

ПЕРЕПИСКА С Р. В. ИВАНОВЫМ-РАЗУМНИКОМ

Вступительная статья, публикация и комментарии
Е. В. Ивановой и А. В. Лаврова

В 1930 г. по инициативе Горького стал выходить журнал «Литературная учеба», которому писатель придавал большое значение в деле подготовки творческой молодежи, обучения «начинающих писателей литературной грамоте». Внося коррективы в «планы-проспекты» основных отделов «Литературной учебы», Горький отмечал упущения в проекте, ставившем своей задачей освещение истории русской литературно-критической мысли: «Среди критиков назван даже Ляцкий, но нет Валериана Майкова, Волынского — реставратора „идеализма“, Ю. Айхенвальда — крайне типичного эстета, нет Иванова-Разумника, который, — на мой взгляд, — весьма основательно заразил своею мизантропией Переверзева»¹. Параллель с В. Ф. Переверзевым, лидером социологического литературоведения 1920-х годов, неожиданно и парадоксальна (в особенности если учитывать, что Иванов-Разумник подверг в свое время метод Переверзева сокрушительной критике)². Тем не менее ту же мысль высказал Горький и в письме к А. К. Виноградову: «...мне показалось, что Переверзев духовно сроден Иванову-Разумнику»³. Приведенные слова Горького косвенно свидетельствуют о том, что он считал Иванова-Разумника одним из характерных представителей русской критики начала XX в., без учета деятельности которого невозможно достаточно полное и отчетливое представление о литературном процессе этого времени.

Отношение Горького к идеологу неонародничества Иванову-Разумнику было сложным⁴. Первую крупную работу Иванова-Разумника — «Историю русской общественной мысли» (Т. 1—2. СПб., 1907), задуманную автором как история русской интеллигенции, Горький встретил критически. Это исследование основывалось на понимании интеллигенции как некой «внеклассовой, внесловной, преемственной группы»⁵. Внесловность и внеклассовость Иванов-Разумник выводил из способности интеллигенции бороться за цели и идеалы, выходящие за рамки ее собственных интересов, а преемственность — из единства той задачи, которая стояла перед разными поколениями русской интеллигенции и которую критик вслед за П. Лавровым формулировал как «творчество новых форм и идеалов и активное проведение их в жизнь в направлении к физическому и умственному, общественному и личному освобождению личности»⁶. По мысли Иванова-Разумника, противником интеллигенции выступало мещанство, группа также внесловная, внеклассовая и преемственная, объединяющая людей «по их этическому уровню, по отсутствию в них яркой индивидуальности, по узости и плоскости их мировоззрения»⁷. Роль интеллигенции сводилась Ивановым-Разумником к вечной борьбе с мещанством.

Другая сторона мировоззрения Иванова-Разумника — защита прав индивидуума, личности, в чем он продолжал идеи «субъективной социологии» Н. К. Михайловского. Определяющей чертой интеллигенции критик считал развитое чувство личности. Эту черту он называл индивидуализмом, вкладывая в этот термин свой, особый смысл. В его системе этических представлений индивидуализм противостоял, с одной стороны, антииндивидуализму, т. е. социальному детерминизму, а с другой — ультраиндивидуализму, т. е. индивидуализму антиобщественному, декадентскому. «Индивидуализм есть примат личности, — писал Иванов-Разумник, — вот самое широкое, общее определение; индивидуализм есть признание человеческой личности первой и главной ценностью»⁸. Этот «общественный индивидуализм», целью которого являлась борьба за «индивидуалистический социализм», и был символом веры Иванова-Разумника.

Такое понимание «индивидуализма» представлялось Горькому попыткой влить новое вино в старые мехи. Свои надежды на осуществление революционных идеалов

Горький связывал с идеей социалистического коллективизма. В статье «Разрушение личности» (1908) он писал: «Сама по себе, вне связи с коллективом, вне круга какой-либо широкой, объединяющей людей идеи, индивидуальность — инертна, консервативна и враждебна развитию жизни»⁹. Задачу данного исторического момента Горький усматривал в «создании классовых, групповых и партийных коллективов»¹⁰. Именно поэтому он выступал против индивидуализма в любых модификациях, даже если он, как у Иванова-Разумника, сочетался с политическим радикализмом. В той же статье Горький указывал на два возможных отношения индивидуализма к классовой борьбе пролетариата. Первое из них открыто враждебно к ней: «...демократия, идущая обновить жизнь мира, не хочет подать сим „аристократам духа“ милостыню внимания своего; они это знают и потому искренно ненавидят ее»¹¹. Но не менее неприемлемым представлялось Горькому и то отношение к классовой борьбе пролетариата, возможность которого заключалась в позиции таких идеологов интеллигенции, как Иванов-Разумник. «Некоторые из них, — писал Горький, — будучи хитрее и понимая великое значение грядущего, желали бы встать в ряды социалистов как законодатели, пророки, командиры. Но демос должен понять, и неминуемо поймет, что эта готовность мещан идти в ногу с ним скрывает под собою все то же стремление мещанина к „самоутверждению своей личности“»¹². В данном случае Горький вполне мог подразумевать, в числе прочих, и Иванова-Разумника, и именно так трактовал задачи его «общественного индивидуализма». Употребляя термин «мещанство» в «Заметках о мещанстве» и в статье «Разрушение личности», Горький вкладывал в него иной, нежели Иванов-Разумник, смысл. Для Горького мещанство — это индивидуализм, «который навсегда лишен способности ощущать в мире что-либо иное, кроме себя и смерти пред собою. Если он иногда говорит о страданиях всего мира, то он не вспоминает о стремлении мира уничтожить страдания, если же вспоминает об этом, то лишь для того, чтобы заявить: страдание непобедимо. Непобедимо, — ибо опустошенная одиночеством душа слепа, она не видит стихийной активности коллектива, и мысль о победе не существует для нее»¹³. Один из основных пороков буржуазной интеллигенции Горький видел в том, что она «после каждой встречи с народом» стремится «возвратиться на круги своя» — от разрешения проблемы социальной к разрешению индивидуальной проблемы¹⁴.

Стремление возвысить «вечные» вопросы человеческого и личного бытия над вопросами социальными было в определенной мере присуще и Иванову-Разумнику. Именно эта черта позволяла Горькому сближать критика с кругом лиц, весьма далеких от него и по политическим, и по идейным устремлениям. Например, в апреле 1908 г. в письме к К. П. Пятницкому Горький, давая резко негативную оценку многим литераторам, называет Иванова-Разумника, наряду с Д. Мережковским, П. Струве, Ф. Сологубом, в составе той «шайки дряни», против которой должно выступить «Знание» (XXIX, 59). «Разумники и Мережковские способны отравить здорового и сильного», — пишет он в марте того же года Е. П. Пешковой¹⁵. Несмотря на то что общественные взгляды Иванова-Разумника никогда не были антиреволюционными, его имя ставится Горьким рядом с теми, кто в этот период совершал «эволюцию от Герцена к Каткову», в один ряд с авторами сборника «Вехи». В сходном окружении имя Иванова-Разумника промелькнет и на страницах романа «Жизнь Клима Самгина», где неоднократно цитируются его работы. Дронов говорит Самгину: «Теперь дело ставится так: истинная и вечная мудрость дана проклятыми вопросами Ивана Карамазова. Иванов-Разумник утверждает, что решение этих вопросов не может быть сведено к нормам логическим или этическим и, значит, к счастью, невозможно. Заметь: к счастью! „Проблемы идеализма“ — читал? Там Булгаков спрашивает: чем отличается человечество от человека? И отвечает: если жизнь личности — бессмысленна, то также бессмысленны и судьбы человечества, — здорово?» (24, 198). Горький в данном случае подразумевает книгу Иванова-Разумника «О смысле жизни» (СПб., 1908). И хотя Иванов-Разумник полемизировал с С. Н. Булгаковым, отвергая его представление о трансцендентности цели человеческой жизни, Горький и здесь объединяет Иванова-Разумника с теми литераторами, которые в период реакции звали отрешиться от поли-

тической борьбы и заняться решением мировых вопросов. Задачи, которые стояли тогда перед русской литературой, Горький понимал иначе. В статье «О „карамазовщине“» он писал: «Температура нашего отношения к действительности, к запросам жизни — сильно понижена. Среди условий, понижающих ее, немалую роль сыграла пропаганда социального пессимизма и возвращение к так называемым „высшим запросам духа“, которые у нас, на Руси, ничего не внося в этику, не улучшая наших отношений друг к другу, являются только красноречием, отвлекающим от живого дела»¹⁶.

Укажем и еще на одно полемическое высказывание Горького в адрес Иванова-Разумника, хотя имя его при этом не названо. В статье «О современности» (1912) Горький перечисляет те упреки, которые могли произнести нынешние «дети» в адрес «отцов»: «Вчера вы, считая социализм универсальной идеей, горячо доказывали нам и заставляли верить нас, что лишь эта идея может объединить всю энергию человечества и, создав новые формы жизни, освободить всем людям дальнейший путь к победе над силами природы, — сегодня вы вспоминаете неудачную и нетактичную обмолвку Герцена о „потенциальном мещанстве социализма“ и восхваляете индивидуализм, разрывая и отменяя все попытки лучших умов России найти живую связь между интересами личности и общества»¹⁷. Эту же цитату Горький повторяет и в письме к Чернову от 13/26 января 1912 г. (Г—Ч, п. 13). «Обмолвка» Герцена, подхваченная Ивановым-Разумником¹⁸ и ставшая одним из основных тезисов книги «Литература и общественность», в новой политической ситуации звучала для Горького точно так же, как и заявления о том, что «прошло время идеологий», как горькие парадоксы М. Гершензона о том, что власть «штыками охраняет нас от ярости народной»¹⁹, с признаниями, что «разум бессилён и слеп, существование добра сомнительно, жизнь — занятие бессмысленное, а красивый подвиг, в лучшем случае, — мальчишеская выходка»²⁰. Не мог сочувствовать Горький и отношению Иванова-Разумника к марксизму. Последний считал, что положительная роль марксизма была сыграна в 1890-е годы, в период полемики с Н. К. Михайловским и его единомышленниками, чья концепция народного творчества представлялась устаревшей и самому Иванову-Разумнику. В новой общественной ситуации начала XX в. марксизм в его представлении не отвечал требованиям времени. Таким образом, к началу переписки Горький и Иванов-Разумник занимали разные идейные позиции, и деятельность критика оценивалась Горьким отрицательно.

Публикуемая переписка Иванова-Разумника с Горьким освещает сравнительно небогатую историю их личных взаимоотношений, складывавшихся на фоне отношений чисто литературных. Наиболее важная часть этой переписки относится ко времени организации Черновым и Миролубовым журнала «Заветы», среди сотрудников которого предполагался и Иванов-Разумник. В связи с этим Горький писал Е. П. Пешковой 3/16 января 1912 г.: «Зачинаем новый журнал с Черновым, Копубинским, Ивановым-Разумником, — что выйдет — не знаю. Чернов — парень легкомысленный, Разумник — не талантлив и очень путаная голова»²¹. Очевидно, Горький с самого начала скептически относился к возникавшему союзу. В это же время Иванов-Разумник вынашивал проект совместного с издательством «Шиповник» журнала, к участию в котором и рассчитывал привлечь Горького, начав переписку с ним. Как следует из публикуемых ниже писем, обращение Иванова-Разумника к Горькому дало толчок к конфликту, в ходе которого обнаружилась ненадежность предполагавшегося союза, принимавшегося Горьким со значительными оговорками. Но последующие письма показывают, что участие Иванова-Разумника в «Заветах» не было главной причиной ухода Горького из журнала — и это важно для понимания отношения Горького к этому изданию. Между тем такое впечатление осталось у самого Иванова-Разумника, писавшего в своих комментариях: «...А. М. Пешков в результате приведенной выше переписки с Ивановым-Разумником ограничил свое участие в „Заветах“ помещением рассказа в первом номере и вышел из журнала» (см. п. 8, комментарии Иванова-Разумника). Секретарь редакции журнала «Заветы» С. П. Постников излагает в воспоминаниях сходную версию. Рассказав о помощи Горького в организации «Заветов», Постников

заключает: «Прекратил он свое сотрудничество в „Заветах“ после того, как в нашу редакцию на правах заведующего литературно-художественным отделом вступил Р. В. Иванов-Разумник»²². Публикуемая переписка с Ивановым-Разумником и предваряющая ее переписка с Черновым показывают, что в основе расхождений Горького с журналом были причины гораздо более общего характера. Непосредственным же поводом для расторжения союза стала публикация романа В. Ропшина «То, чего не было». Вместе с тем Горький уже после выхода из «Заветов» советовал Чернову и Миролубову привлечь в литературно-критический отдел Иванова-Разумника. 5 мая 1912 г. он писал Миролубову: «Мне кажется, что Разумник Васильевич в „Заветах“ — выигрыш делу»²³. Сходный смысл вкладывал Горький и в неотправленное письмо (п. 6). Но для самого себя союз с Ивановым-Разумником на страницах одного издания Горького считал неприемлемым: «имманентный субъективизм» Иванова-Разумника он характеризовал как «типичный русский индивидуализм» (п. 2). В письме к Чернову Горький повторяет ту же мысль: «...индивидуализм И(ванова)-Р(азумника) замешан слишком круто, и я боюсь, что он способен внушить многим и многим подозрительное отношение к социалистическим симпатиям и настроениям автора» (Г—Ч, п. 15).

После эпизода с «Заветами» личные контакты Горького и Иванова-Разумника поддерживались довольно слабо, и возникавший обмен мнениями сводился в основном к полемике, что не исключало ровного и дружелюбного тона переписки. После Октябрьской революции Иванов-Разумник по инициативе Блока был привлечен к разработке издательских проектов З. И. Гржебина, в которых деятельное участие принимал и Горький. 29 ноября 1919 г. К. И. Чуковский записал в дневнике: «Было у нас заседание по программе для Гржебина. Горький говорил, что все нужно расширить — не сто книг, а двести пятьдесят. Впервые на заседании присутствовал Иванов-Разумник (...) молчаливый, чужой. Блок очень хлопотал привлечь его на наши заседания. Я научил Блока — как это сделать: послать Горькому письмо. Он так и поступил. Теперь они явились на заседание вдвоем, — я отодвинулся и дал им возможность сесть рядом»²⁴. 28 ноября 1919 г. Блок отметил в записной книжке: «Горький, Иванов-Разумник. Наконец, я их пробую опять соединить, оба топорщатся»²⁵.

Тон переписки в это время становится сугубо деловым, лишенным какого бы то ни было стремления к обмену мыслями или мнениями. На последние четыре письма Иванова-Разумника 1917, 1919 и 1921 гг. Горький, по-видимому, вообще не отвечал, но немедленно откликнулся на просьбу, содержащуюся в его письме 1921 г. (п. 16).

Прекращение личных контактов не мешало Горькому сочувственно относиться к судьбе Иванова-Разумника. Узнав о его причастности к переводу романа А. Арман-ди «Остров Пасхи», который Горькому не понравился, последний писал в этой связи Чуковскому: «Я заинтересовался „Островом Пасхи“ потому, Корней Иванович, что полагал: это отчет археологической экспедиции, работавшей там, кажется в 22—23 годах. Оказалось, что это роман, да еще и плохой. Разумник Васильевич перевел? „Нужда пляшет...“»²⁶ Прилагая известную пословицу «нужда пляшет, нужда скачет, нужда песенки поет» к судьбе критика, Горький выразил тем самым понимание ее внутреннего драматизма.

В послереволюционные годы Иванов-Разумник занимает позицию, близкую к левоэсеровской (хотя от вступления в партию эсеров отказывается); отойдя от критико-публицистической деятельности, активно занимается историко-литературным трудом.

В 1934 г. друг Иванова-Разумника М. М. Пришвин обратился к Горькому с письмом, в котором просил принять участие в судьбе литератора, лишившегося в этот момент возможности продолжать работу над Собранием сочинений М. Е. Салтыкова-Щедрина и А. А. Блока: «...Необходимо вернуть Иванова-Разумника из его ссылки в Саратов в Ленинград, в Пушкинский дом, к его замечательной работе над Салтыковыми²⁷, во-первых, и над Блоком²⁸, во-вторых (...) Я с Разумником в дружбе лет 20 и понимаю его как самого упрямого интеллигента: других интеллигентов не любил, но он, правда, очень хороший человек. При всем его упрямстве он только писатель и хождение его в политику в 17—18 гг., как лев(ого) эсера,

было, по-моему, своего рода донкихотством²⁹. Его арестовали не за практику (нет этого), а чтобы разрушить окончательно идейные центры народничества. Семь месяцев он отсидел и год уже в ссылке — остается половина³⁰: видно даже из такой легкости наказания, что ничего серьезного не было; а теперь, может быть, и все обвинения далеко позади, как вот был РАПП и как далеко он теперь позади³¹. Между тем я Вас уверяю (хотя, может быть, и Вы лучше меня знаете), что другого такого работника по Салтыкову сейчас у нас нет, а с утратой Разумника, собравшего громадные материалы за 20 лет упорной работы, будет утрачено какое-то звено культуры. Алексей Максимович, Разумник Васильевич пишет мне, что ему нужно для окончания работы всего два года, подумайте, быть может, вовсе и не так теперь трудно ему в этом помочь.

Я уверен в нем со стороны политической, что хотел было взять его на поруки, но оказалось, для такого изнеженного человека я этим устрою ад: при всяком случайном вызове он будет бояться за мое спокойствие³². Хотя к моменту написания письма пути Горького и Иванова-Разумника окончательно разошлись, просьба Пришвина нашла немедленный отклик: уже в начале августа 1934 г. Горький писал П. П. Крючкову: «Нельзя ли сократить Иванову-Разумнику срок высылки из Ленинграда? и возвратить его. Он — в Саратове, срок его ссылки еще год и 8 месяцев»³³. По существу, это последнее упоминание имени Иванова-Разумника в переписке Горького.

Публикуемая переписка с Ивановым-Разумником охватывает период с 1912 по 1921 г. и включает 6 писем Горького (одно из них осталось неотправленным) и 10 писем Иванова-Разумника, а также пояснения к письмам, сделанные самим Ивановым-Разумником (*ИРЛИ*, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 100). Из этих пояснений следует, что утрачены 2 письма 1914 г. — письмо Горького о деятельности издательства «Сири» и письмо Иванова-Разумника, на которое Горький отвечает 20 декабря 1914 г. В приложении к переписке публикуется реферат Иванова-Разумника «Отношение Максима Горького к современной культуре и интеллигенции» (1900).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Письмо редколлегии журн. «Литературная учеба» (Сорренто, 1930, 13 февр.) // *Арх. Г. Т. Х. Кн. 2. С. 275.*

² *Иванов-Разумник. Русская литература в 1912 году* // *Заветы. 1913. № 1. Отд. II. С. 55.*

³ Письмо от 17 февраля 1930 // *Знамя. 1968. № 3. С. 183.*

⁴ Подробную характеристику неонароднических воззрений Иванова-Разумника см.: *Петрова М. Г. Эстетика позднего народничества* // *Литературно-эстетические концепции в России конца XIX — начала XX в. М., 1975. С. 156—169*; см. также вступ. ст. А. В. Лаврова к переписке А. А. Блока и Иванова-Разумника в кн.: *ЛН. Т. 92. Кн. 2. С. 366—369*; о судьбе Иванова-Разумника см.: *Максимов Д. Е. Спасенный архив* // *Огонек. 1982. № 49. С. 19.*

⁵ *Иванов-Разумник. История русской общественной мысли. СПб., 1907. Т. 1. С. 5.*

⁶ Там же. С. 10.

⁷ Там же. С. 5.

⁸ Там же. С. 16—17.

⁹ *Горький М. Статьи 1905—1916. 2-е изд. Пг.: Парус. 1918. С. 16.*

¹⁰ Там же. С. 60.

¹¹ Там же. С. 19.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 18.

¹⁴ Там же. С. 37.

¹⁵ *Арх. Г. Т. IX. С. 47.*

¹⁶ *Горький М. Статьи 1905—1916. С. 152.*

¹⁷ Там же. С. 79.

¹⁸ См.: *Иванов-Разумник. История русской общественной мысли. Т. 1. С. 369.* На экземпляре кн. Иванова-Разумника «Литература и общественность» в ЛБГ, где критик вновь возвращается к этой мысли Герцена, Горький подчеркнул цитату: мысль Герцена «о потенциальном мещанстве социализма является поистине гениальным прозрением — в этом нас, задолго до победы социализма, достаточно ясно убеждает современный насковозь догматический и некритический ортодоксальный марксизм» (*Иванов-Разумник. Литература и общественность. СПб.: Прометей, б. г. С. 127*).

¹⁹ Приводимая Горьким в ст. «О современности» цитата о власти, «штыками охраняющей нас от ярости народной», взята из ст. М. Гершензона «Творческое самосознание», опубликованной в сб. «Вехи» (М., 1909). На экземпляре «Вех» в ЛБГ отчеркнуты строки: «видит наше человеческое и именно русское обличие, но не чувствует в нас человеческой души, и потому он ненавидит нас страстно, вероятно, с бессознательным мистическим ужасом, тем глубже ненавидит, что мы свои. *Каковы мы есть*, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, — бояться его мы должны пуце всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной» (Указ. соч. С. 89).

²⁰ Горький М. Статьи 1905—1916. С. 79.

²¹ Арх. Г. Т. IX. С. 132.

²² АГ.

²³ МИ. Т. III. С. 98.

²⁴ ЛН. Т. 92. Кн. II. С. 250.

²⁵ Блок А. Записные книжки. М., 1965. С. 481.

²⁶ АГ. П. от 2 ноября 1926 г. Речь идет об издании: Арманди А. Остров Пасхи/Пер. под ред. Р. В. Иванова. Л.: Кубуч, 1925.

²⁷ В 1926—1927 гг. Иванов-Разумник редактировал шеститомное Собрание сочинений Салтыкова-Щедрина, в 1929 г. вышла его книга «Неизданный Щедрин», в 1930 г. — монография «М. Е. Салтыков-Щедрин. Жизнь и творчество. Ч. 1».

²⁸ В 1929—1933 г. Иванов-Разумник работал над подготовкой и редактированием Собрания сочинений Блока.

²⁹ Пришвин приложил к своему письму письмо жены Иванова-Разумника к нему, где по этому поводу сказано: «На шестом десятке лет он уже не может изменить своего мирозерцания, ни к каким бы то ни было партиям никогда он не принадлежал, — все оставалось у него всегда лишь в области мысли и духа. Видимо, и официально это отсутствие той или иной конкретной вины было признано, т. к. в конце концов высылка в Саратов относится к разряду нетяжелых кар» (АГ, приложено к п. Пришвина от 25 июля 1934 г.).

³⁰ В цитированном выше письме жена Иванова-Разумника писала о сроках ссылки: «...срок высылки Разумника) Вас(ильевича) остается еще 1 г. 8 м. ...» (Там же).

³¹ РАПП прекратила свое существование в 1932 г.

³² АГ. П. от 25 июля 1934 г.

³³ Там же.

1. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — ГОРЬКОМУ

7 (20) янв(аря) 1912, Царское Село, Колпинская, 20

Алексей Максимович,

Вы, вероятно, знаете меня хоть немного по моим книгам, — хотя бы по трем последним, которые я поручил своему издателю («Прометей») выслать Вам немедленно после их появления, месяц тому назад¹.

Обращаюсь к Вам теперь по делу журнальному. Еще минувшим летом писал мне В. С. Миролюбов относительно работы в «Современнике»; осенью писал мне об этом уж В. М. Чернов². Но сотрудничать в журнале, заполненном во всех отделах г. Амфитеатовым, я не имел ни желания, ни возможности. Теперь, судя по объявлениям, весь «Современник» будет состоять из одного Амфитеатрова, и, насколько мне известно, Вы ушли из этого журнала.

Если это действительно так, то обращаюсь теперь к Вам со следующим: не захотите ли Вы образовать новый журнал? Первые шаги в этом направлении уже сделаны мною в Петербурге и Москве. Написал бы об этом Чернову и Миролюбову, но не знаю пока их адресов, а летние едва ли годятся. Главный вопрос: приемлемо ли для Вас близкое участие в журнале, литературно-критическая часть которого будет продолжением и развитием взглядов моих последних книг — особенно «Литературы и общественности» и «Творчества и критики».

Хотелось бы узнать Ваше отношение ко всему этому делу; если оно не отрицательное, то буду очень рад.

Искренне уважающий Вас Разумник И в а н о в

Комментарий Иванова-Разумника

(Здесь и далее в комментариях Иванов-Разумник пишет о себе в третьем лице.)

В конце 1911 и начале 1912 года шли переговоры между издательством «Шиповник», с одной стороны, и Ивановым-Разумником и Ал. Н. Бенуа, с другой, — об издании в Петербурге ежемесячного художественного, литературного и критического журнала. Ближайшее участие в литературном отделе должны были принимать Леонид Андреев, А. А. Блок, А. М. Ремизов, в отделе художественном — К. С. Петров-Водкин и группа «левых мирискусников», имея «теоретиком» Конст. Эрберга. Политического и общественного отделов не было, — литературно-художественная «левизна», вплоть до нарождавшегося тогда футуризма, определяла собою лицо и направление предполагавшегося журнала.

В это самое время — в начале декабря 1911 года — А. М. Пешков, В. С. Миролюбов и В. М. Чернов заявили о своем выходе из журнала «Современник». В начале января 1912 года Иванов-Разумник обратился к А. М. Пешкову с предложением принять участие в организации журнала, о котором переговоры с издательством «Шиповник» продолжались. В ответ на это А. М. Пешков прислал письмо от 13/26 января 1912 г., на которое Иванов-Разумник в свою очередь ответил письмом (от 18/31 янв. (...)). Ответом на этот ответ является второе письмо А. М. Пешкова от 9 февраля (н. ст.). Заключает эту переписку письмо Иванова-Разумника от 9/22 февраля.

¹ В ноябре 1911 г. в петербургском изд-ве «Прометей» вышли три тома сочинений Иванова-Разумника: «Литература и общественность», «Творчество и критика», «Великие искания», заключающие в себе соответственно избранную публицистику, литературную критику и исследование о Белинском. Все три книги хранятся в ЛБГ (*Описание*).

² П. Миролюбова Иванову-Разумнику за этот период и упоминаемое п. Чернова в архиве Иванова-Разумника не сохранились.

2. ГОРЬКИЙ — ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ

(Капри. 13/26 января 1912 г.)

Разумник Васильевич,

весьма смущен письмом Вашим, ибо не понимаю, о каком журнале говорите Вы?

Дело в том, что тотчас после выхода нашего из «Современника»¹ Чернов, Миролюбов и я решили организовать новый журнал, а недели две тому назад Чернов и Миролюбов, приехав на Капри², сообщили мне, что издание — налажено, прошло уже несколько дней, как я отправил свою и других авторов рукописи³ для первых книжек журнала, и я извещен, что одна из рукописей отправлена в типографию.

На днях В<иктор> М<ихайлович> писал мне: «Надеюсь, что, несмотря на спешку, в первом же номере удастся составить и сносный обзор явлений текущей жизни»⁴.

Таким образом, очевидно, что журнал уже образовался, и Ваш вопрос «не хочу ли я образовать новый журнал?» — естественно, повергает меня в недоумение.

Оно тем более велико, что в бытность у меня последний раз Чернов и Миролюбов говорили — предположительно — о возможности Вашего участия в этом, организованном ими журнале, но о том, что они с лета вели переговоры с Вами и что организатором журнала в России являетесь Вы, — я не был ими извещен. Я лично смотрел на этот журнал как на попытку объединения всех культурных сил нашей разноплеменной страны⁵, а не как на издание партийное, но, если литературно-критическая часть его «будет продолжением и развитием Ваших взглядов», — он будет партиен, и мое сотрудничество в нем является неуместным, с чем и Вы, я думаю, легко согласитесь.

КАПРИ, ПОБЕРЕЖЬЕ

Фотография из коллекции К. П. Пятницкого
Архив Горького, Москва

Вопрос — «зачем жить» — мною решен, он, очевидно, решен и всеми живущими, ибо, не решив — зачем делать то или другое — нельзя ничего делать, в этом случае всякое деяние было бы бессмысленно, а жизнь человечества, как это известно, полна глубочайшего смысла.

Вопроса — «зачем смерть»⁶ — для меня не существует: «благословен закон брэнности, вечно обновляющий дни жизни!»⁷

Ваш «иммапентный субъективизм» мне кажется типичным русским индивидуализмом⁸, а он, на мой взгляд, тем у нас на Руси отвлечен, что лишен внутренней свободы: он никогда не есть результат высокой самооценки своих сил, ясного сознания социальных задач и уважения к себе, как личности, — он всегда вынужденное, воспитанное в нас тяжелой историей нашей пассивное желание убежать из общества, в недрах которого русский человек чувствует себя бессильным. Иногда это бессилие заменяется аффектацией, и тогда она восходит до проповеди социального фанатизма, совершенно устраняющего личность и столь же противного, так же пагубного для личности, как наш индивидуализм, восходящий всегда до нигилизма и отрицания общества.

Что интеллигенция есть «группа внеклассовая и внесловная»⁹, в это я никогда не верил, особенно трудно принять это теперь, после того, как эта интеллигенция, в целом ряде поколений воспитывавшаяся социалистами, ныне столь легко отбрасывает прочь от себя не только идею социализма, но и обнаруживает крайнюю неустойчивость своих демократических чувств.

Вы скажете — марксизм! Да, но марксизм не по Марксу¹⁰, а потому, что так выдублена кожа. Меня марксизму обучали лучше и больше всяких книг казанский булочник Семенов¹¹ и русская интеллигенция, которая наиболее поучительна со стороны своей духовной шаткости.

Видите, как мы с Вами расходимся. В литературных оценках и вкусах тоже непримиримо разойдемся.

Копию этого письма я посылаю Чернову и Миролюбову¹² вместе с просьбой, возвратить мне мою рукопись и сотрудником в журнале не считать меня¹³.

Надеюсь, мой отказ работать вместе с Вами понятен Вам и не обидит Вас.

Адрес Миролюбова и Чернова — к сведению Вашему — таков: Специя, Феццано. Spezia. Fezzano, ferma-posta.

Надеюсь, Вам понятен мой отказ и Вы не обижены им.

Всего доброго

А. Пешков

Датируется по почт. шт. На конверте помета рукой Иванова-Разумника: «Получено 18 января 1912 года». При публикации и многочисленных цитациях этого письма используется текст его чернового автографа (АГ) (XXIX, 217—218). Нами воспроизводится текст авторизованной машинописи, отправленной Иванову-Разумнику (АГ), имеющий разночтение с черновиком. См. прим. 10.

¹ О конфликте с Амфитеатовым и выходе Горького, Миролюбова и Чернова из «Современника» см. переписку с Амфитеатовым и Черновым за ноябрь—декабрь 1911 г., см. также п. Горького к В. С. Миролюбову этого периода в кн.: *МН. Т. III* и предисл. к переписке Горького с Амфитеатовым.

² Чернов и Миролюбов приехали на Капри 23 декабря 1911/5 января 1912 г. См.: Г—Ч, п. 10, прим. к нему.

³ 11/24 или 12/25 января 1912 г. Горький отправил Миролюбову для будущих «Заветов» рассказ «Три дня», вскоре объявленный в числе произведений, включенных в первый номер журнала (Одесские новости. 1912. № 8625. 20 янв.). См. прим. 13.

⁴ Горький цитирует п. Чернова к нему (ок. 20 янв. 1912 г.)

⁵ Сходным образом Горький объяснял свою связь с «новым с.-р. журналом» в п. к Е. П. Пешковой от 12/25 января 1912 г. «Мне самому участие это не очень по душе, но — м(ожет) б(ыть), удастся, хоть отчасти, осуществить мою мечту о создании общероссийского журнала, который ознакомил бы общеимперскую интеллигенцию друг с другом и культурной деятельностью всех племен государства» (*Арх. Г. Т. IX. С. 133*).

⁶ Повторяя вопросы «зачем жить» и «зачем смерть», Горький возражает на ст. Иванова-Разумника «Марксистская критика» в кн. «Литература и общественность» (СПб., 1911. С. 117). На экземпляре этой книги в ЛБГ отчеркнута цитата: «...никакими сложнейшими социально-экономическими формулами не передать и не объяснить простейшего вопроса философии: зачем жизнь? зачем смерть?»

⁷ Фраза из романа Б. Келлермана «Море» в пер. А. Даманской.

⁸ См. вступ. ст. к переписке.

⁹ Основной тезис Иванова-Разумника, подробно развитый им в работе «История русской общественной мысли» (Иванов-Разумник. История русской общественной мысли. СПб., 1907. Т. 1. С. 7). Этот тезис вызвал резкое несогласие Горького. В п. к К. П. Пятницкому он писал: «Русская революция, видимо, была экзаменом мозга и нервов для русской интеллигенции. Эта „внеклассовая группа“ становится все более органически враждебной мне, она вызывает презрение, насыщает меня злобой. Ее духовный облик совершенно неуловим для меня, ибо ее психическая неустойчивость — вне всяких сомнений» (XXIX, 76; письмо предположительно датировано сент. — окт. 1908 г.). Когда этот тезис Иванов-Разумник повторил в книге «Литература и общественность», Горький отчеркнул его на экземпляре своей книги и пометил знаком «NB» следующую цитату: «Ошибка Горького была в том, что антимещанство он искал в классовой и сословной группе, между тем как сословие и класс — всегда толпа, масса серого цвета, с серединными идеалами, стремлениями, взглядами; отдельные более или менее ярко окрашенные индивидуальности из всех классов и сословий составляют внеклассовую и внесословную группу интеллигенции, основным свойством которой является антимещанство» (Иванов-Разумник. Литература и общественность. С. 137).

¹⁰ В черновом автографе письма вместо этого: «Вы скажете — марксист! Да, но марксист не по Марксу» и т. д. (АГ). Тот же текст повторен и в копии этого письма, отосланной В. М. Чернову. В таком же виде письмо было опубликовано (XXIX, С. 217—218).

¹¹ О казанском булочнике В. С. Семенове Горький рассказывает в автобиографической повести «Хозяин» (1913).

¹² См.: Г—Ч, п. 13.

¹³ После выяснения недоразумения с Ивановым-Разумником Горький послал Миролюбову телеграмму с разрешением сдать рассказ «Три дня» в набор. В февра-

ле 1912 г. Горький изменил свое решение и отдал рассказ в «Вестник Европы». См.: Г—Ч, п. 13, прим. 4. Вместо «Трех дней» Горький дал в первый номер «Заветов» рассказ «Рождение человека», которым открывался журнал.

3. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — ГОРЬКОМУ

18/31 января 1912, Царское Село, Колпинская, 20

Алексей Максимович,

письмо Ваше удивило меня гораздо больше, чем Вас — мое письмо.

Вы, вероятно, уже знаете теперь, в чем дело, — знаете, что я писал Вам совсем о *другом* журнале, еще ничего не зная о Вашем; это простое недоразумение, вероятно, теперь для Вас уже выяснилось. Но зато совершенно не выяснилось (для меня по крайней мере) другое обстоятельство, связанное с Вашим журналом. А именно: летом я получил предложение работать в «Современнике». Это предложение мне передал от лица редакции Н. С. Рusanов в письме от 4 июля 1911 г. Он писал мне следующее¹: «Р. В., позвольте сотворить волю пославшего меня: меня просят товарищи, в том числе В<иктор> М<ихайлович> Ч<ернов>, к которому присоединяется Горький, передать Вам об их крайнем желании Вашего участия в возрождающемся Современнике... Напишите, согласны ли Вы в принципе на то, чтобы заняться литературно-критической деятельностью в этом журнале?» — Предложение «постоянного сотрудничества» было повторено тем же посредником в письме от 7-го июля. Месяцем позднее, 14 авг<уста> (нов. ст.), я получил письмо от В. С. Миролюбова, который, повторяя слова о сотрудничестве, прибавлял: «напишите мне, как Вы к этому относитесь и в какой форме Вы себе это представляете, как более желательное». — На все эти письма и предложения я отвечал отказом близкого сотрудничества, — а о причинах отказа я сообщал Вам в первом своем письме. Осенью я получил письмо от В. М. Чернова (от 13 сент. нов. ст.) с повторной просьбой — «дебютировать» в октябрьском «Современнике» статьей о Добролюбове и с надеждой, что этот «дебют» перейдет в «ближайшее участие»².

Как видите, я имел все основания предполагать, что мое близкое участие в одном журнале с Вами не только возможно, но даже желательно редакции «Современника», — а в редакции этой были и Вы. Когда я узнал в середине декабря, что Вы, Чернов и Миролюбов вышли из «Современника», и когда в то же время у нас в Петербурге стал организовываться новый журнал, то согласитесь, что после изложенного выше я имел все основания обратиться к Вам с предложением войти в организацию этого нового дела. Судите же, как меня должно было удивить Ваше письмо!

Оно меня еще более удивило потому, что за неделю до него я получил новое письмо от В. М. (после того, как я отправил Вам свое письмо). Из письма В. М. я узнал, что Вы, Чернов и Миролюбов уже организуете (или даже организовали) новый журнал; и в этом письме, написанном из Капри, В. М. предлагал мне не только близкое сотрудничество, но и «литературное представительство» нового журнала!³ Я ответил встречным предложением — слить оба предполагаемых журнала в один на известных условиях⁴. Тем более было для меня неожиданным Ваше письмо, в котором с очевидностью выражена полная невозможность какой бы то ни было близкой работы Вашей и моей в одном и том же издании.

Письмо Ваше не только не могло «обидеть» меня, — наоборот, я Вам очень за него благодарен: оно сразу выяснило положение дел. Сегодня же пишу Чернову (копию письма к нему прилагаю здесь), и надо думать, что и для Вас и для меня все недоразумения должны скоро выясниться.

По существу отвечать на Ваше письмо мне, конечно, нечего: мне очень интересно было узнать Ваше отношение к моим взглядам, оценкам и суждениям, но, разумеется, что от того или иного Вашего отношения эти оценки и взгляды измениться не могут. Отвечу только на одно очень крупное Ваше заблуждение: Вы предполагаете, что если я буду вести литературно-критический отдел журнала, то последний будет «партиен». Это показывает, что Вы недостаточно хорошо знаете меня как писателя. Если бы я был партиен, я давно работал бы или в «Русском богатстве», или в «Современнике», или в других журналах; но в том-то и дело, что никто так не далек от партийности, как я⁵. Знаете сказку Киплинга — «Кот, который ходит сам по себе»? Я тоже «хожу сам по себе», — и вот почему особенно я думал, что на этой почве с Вами теперь можно будет взаимно понять друг друга.

Во всяком случае — искреннее спасибо Вам за письмо, откровенное и прямое. Позвольте пожелать всего лучшего и остаться по-прежнему глубоко уважающим Вас

Разумник И в а н о в

¹ Николай Сергеевич Русанов (Кудрин) (1859—1939) — публицист, революционер-народник, в 1910-е годы — эсер. Его письма в архиве Иванова-Разумника не сохранились. В. В. Водовозов 29 мая 1911 г. писал Амфитеатрову о нем как о потенциальном сотруднике: «На этих днях ко мне зашел Русанов и сообщил, что уже довольно давно он получил письмо от Чернова, в котором Чернов предлагал ему принять участие в редактировании „Современника“, и о том, что Русанов отказался от этого предложения» (ЦГАЛИ, ф. 34). В том же письме приводится выписка из п. Чернова Н. С. Русанову 6 мая 1911 г.: «Русский отдел редакции состоит пока из В. В. Водовозова, которому скоро придется засесть. К нему нужно сейчас сопровителя, который вскоре останется единым правителем» (Там же).

² Цитируемые п. Миролюбова и Чернова в архиве Иванова-Разумника не сохранились. В ноябре 1911 г. исполнилось 50 лет со дня смерти Н. А. Добролюбова.

³ В п. от 6/19 января 1912 г. (датируемом по сопоставлению с письмами Иванова-Разумника) Чернов писал Иванову-Разумнику:

«Вы, вероятно, уже знаете, что я, Горький и Миролюбов ушли из редакции „Современника“. Вместе с Амфитеатовым работать оказалось невозможно. Его „реализм“ — не наш, его отношение к литературе и литераторам, его, наконец, самодержавные привычки сделали разрыв неизбежным. Редакционный кризис захватил нас врасплох, ибо дело уже шло к концу года. Тем не менее мы энергично принялись за дело организации нового журнала, поиски денег и т. п. Несколько дней назад нас известили из России телеграммой, что материальный вопрос разрешен.

Наши русские друзья, однако, остановились, было, в нерешительности — начинать ли теперь же, с января, или пока ограничиться несколькими сборниками журнального типа, а в правильный периодический журнал обратиться их только с осени. Мы настаиваем, чтобы ввязаться за журнал теперь же. Этот вопрос, однако, вероятно, уже будет окончательно решен, когда Вы получите это письмо. Я только не хотел откладывать его отправки, потому что время не терпит. Прежде всего я хотел повторить Вам свое приглашение — о постоянном сотрудничестве. В частности, было бы очень хорошо, если бы Вы могли что-нибудь дать для январской книжки, например нечто вроде обзора журнальных откликов на добролюбовский юбилей — это дало бы возможность нам наверстать упущенное. Юбилейная статья о Д(обролюбова), конечно, теперь запоздала; но в форме обзора журналов она могла бы отлично пройти. Не правда ли, жаль, что этот юбилей прошел так серо, и жаль упустить случай — подать свой голос об этой теме. Впрочем, выбрать тему — это, конечно, Ваше дело, тем более что времени мало и что, может быть, лучше взять что-нибудь уже готовое или почти готовое.

Это первое мое дело к Вам. Второе заключается в следующем. Нам нужен в России литературный представитель журнала, секретарь редакции — лицо, которое ведет все личные сношения с авторами, заведует на месте окончательным выпуском №, находится в постоянных сношениях с нами и т. п. Тот факт, что литературные инициаторы — основатели журнала находятся за границей, делает разрешение этого вопроса очень сложным, трудным и крайне важным. Нет сомнения, что вся, так сказать, конституция взаимных отношений должна иметь свои особенности: что ее вряд ли можно предначертать сразу, что многое в ней будет вырабатываться опытом. Но я пока совершенно устранию вопрос о мелочах и деталях. Мне хочется знать, как бы Вы отнеслись принципиально к предложению, с которым мне поручили мои товарищи обратиться к Вам, — чтобы Вы взяли на себя роль такого русского секретаря и представителя. В случае, если Вы в принципе не

имеете против такой комбинации, мы можем приступить к более конкретным переговорам как письменным, так — еще лучше — и личным: можно будет устроить свидание кого-либо из организующих наше дело в России, — а затем, думается мне, можно бы подумать и об устройстве свидания с нами, которое, разумеется, было бы наиболее желательным и важным, чтобы обо всем столкнуться и ничего не оставить недоговоренным.

Крепко жму руку и остаюсь в ожидании скорого ответа

В(иктор) Ч(ернов)» (ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 340)

26 января 1912 г. Иванов-Разумник сообщал А. М. Ремизову: «История с Горьким выясняется; получил я большое письмо от В. М. Чернова; Горькому написал еще до того тоже большое письмо. Также расскажу при встрече. Вообще должен сказать, что журнал становится все более и более осуществимым планом. О нем же буду сегодня говорить с Копельманом» (ГПБ, ф. 634, оп. 1, ед. хр. 115; С. Ю. Копельман — совладелец и главный редактор изд-ва «Шиповник»).

⁴ Черновик п. Иванова-Разумника к Чернову сохранился в его архиве: «Виктор Михайлович, письмо Ваше, пересланное мне из Артека, я получил только сегодня; а четыре дня тому назад я отправил письмо Горькому по тому же самому журнальному делу, о котором пишете мне Вы. Ближайшая цель у нас одна — создание журнала; быть может, Горький написал Вам о содержании письма (...)

Теперь получаю Ваше письмо со встречным предложением. Мне думается, что оба этих предложения вполне совместимы и не противоречат друг другу: стоит только слить два этих предполагаемых журнала в один.

Но сперва я отвечу на Ваше предложение и отвечу с полной откровенностью. Войти в какой бы то ни было журнал я готов только в том случае, если одновременно войду и в редакцию журнала, беря на себя литературно-критический отдел.

Иначе я предпочитаю быть просто случайным сотрудником, ничем не связанным с газетой или журналом, — таково, например, мое отношение к „Русским ведомостям“ или к „Русскому богатству“, куда я в прошлом году давал статьи и в этом году даю (в „Русское богатство“ — к марту, о Герцене). Если в „литературное предствительство“, о котором Вы мне пишете, Вашего журнала может войти, в качестве составной части, участие в редакционной (а не только секретарской) работе и ведение литературно-критического отдела, — то я охотно взялся бы за это дело, и тогда два предполагаемых журнала можно было бы слить в один. Конечно, „журнальная конституция“ выработалась бы практикой, а прежде всего — личными переговорами.

В середине февраля я еду в Москву — все по тому же журнальному делу. Если до того времени мы с Вами договорились бы до чего-либо определенного, то эти московские переговоры будут иметь уже иное направление. К началу мая (нового стиля) я собираюсь на месяц за границу; намерен быть в Швейцарии и проехать по Италии, — вплоть до Неаполя. Тогда личные переговоры окончательно выяснят дело; в письме очень трудно столкнуться до точки.

И еще одно: лично я против издания журнала немедленно, с января. Не лучше ли (как мы предполагаем и о своем журнале) отдать первые полгода подготовительной работе, начать издание журнала со второй половины года? Хотя лето — мертвый сезон, но именно потому газеты и журналы посвящают очень много внимания всякому новому изданию. За полгода издания будет подготовлена почва и круг читателей, журнал выявит себя, и с нового года вступит уже в колею. Торопливостью можно только повредить» (ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 216).

⁵ Иванов-Разумник высказывает здесь одно из своих основополагающих убеждений, которому он не изменял в ходе всей своей литературно-публицистической деятельности. Безусловно, это убеждение было одной из основных причин того, что Иванов-Разумник никогда формально не являлся членом партии социалистов-революционеров, хотя и оставался близок к ней по своим взглядам.

4. ГОРЬКИЙ — ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ

(Капри. 27 января/9 февраля 1912 г.)

Я считаю, Разумник Васильевич, оба мы с Вами — жертвы некоторой «деловой спешности» и, конечно, общего всем россиянам всегда несколько небрежного отношения друг к другу.

Считаю, однако, нужным сообщить Вам, что о приглашении Вашем в «Совр(еменник)» я осведомлен лишь на днях, после «инцидента», письмом В. М. Чернова; в письме этом есть такое сообщение: «Правда, летом Мир(олюбов) и я писали Разумнику Иванову, — с к(ото)рым ни он, ни я лично незнакомы — но это было по делам „Соврем(енника)“»¹.

Что переговоры с Вами остались мне неизвестны, на это не имею претензий. Мое отношение к «Совр(еменнику)» отнюдь не носило характера «ближайшего» в этом журнале участия, против публичного заявления редакции о «ближайшем» я протестовал². Полагаю, что инцидент благополучно кончен. Напечатав в «Заветах» уже отданную туда повесть³, сотрудничать в этом журнале не стану.

Позвольте Вам сказать, что я искренно обрадован тоном Вашего второго письма ко мне; не часто приходится встречаться с таким корректным отношением к человеку, и это отношение всегда приятно волнует, возбуждая надежду на рост в людях уважения и серьезного внимания к работе друг друга.

«Из столкновения мнений разгорается истина», на мой взгляд, вовсе не обязательно, чтобы горение истины покрывало нас сажей и копотью ненависти и злобы друг к другу.

Сердечно желая успеха Вашему предприятию, просил бы, — если это Вас не затруднит, — высылать мне журнал или хотя бы оттиски Ваших статей, во многом интересных для меня.

Будьте здоровы.

А. Пешков

Датируется по почт. шт. отправления с Капри.

¹ Горький цитирует (не совсем точно) п. Чернова к нему (ок. 28 нояб. 1912 г.). См.: Г—Ч, п. 14.

² См.: Г—А, п. от ноября, не ранее 25, и 1 или 2 декабря 1910 г.

³ «Три дня» (п. 2, прим. 3 и 13). Ср. письмо Горького к Миролюбову (ок. 16/29 февр. 1912 г.): «Я думаю (...) что повесть печатать надо и что я могу выйти из журнала после; конечно — без шума, без объявлений об этом» (XXIX, 226).

5. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — ГОРЬКОМУ

9/22 февраля 1912, Царское Село, Колпинская, 20

Очень я рад, Алексей Максимович, что «недоразумение» между Вами и мною выяснилось. Желаю полного успеха московскому журналу¹, нечего и говорить о том, что наш петербургский журнал, организуемый теперь, Вы будете получать с первой же книжки². Если бы Вы сочли возможным работать в нем и если пожелали бы узнать его предполагаемый состав, цели, планы, направление, — то я всегда готов с подлинным удовольствием подробно сообщить Вам обо всем этом.

Искренние пожелания всего лучшего.

Разумник И в а н о в

Сохранился черновик этого письма (ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 209, л. 1).

¹ По первоначальным намерениям Миролюбова и Чернова журн. «Заветы» (или «Завет», как он был назван Миролюбовым в п. к Горькому) должен был выходить в Москве. Начат изданием в Петербурге с апреля 1912 г.

² Организовать свой «петербургский журнал» в союзе с издательством «Шиповник» Иванову-Разумнику не удалось.

6. ГОРЬКИЙ — ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ

(Капри. После 13/26 февраля 1912 г.)

Разрешите мне, Разумник Васильевич, поделиться с Вами некоторыми соображениями по поводу Вашего и московского журнала?

Не кажется ли Вам, что один журнал — был бы солидней? И что два — до некоторой степени искусственно — создадут тоже два круга читателей, что едва ли может быть оправдано с точки зрения экономии сил и необходимости концентрировать их?¹

ЗАВѢТЫ

№ 1

АПРѢЛЬ

1912

1.

Рождение человѣка.

(Из воспоминаній „пропащаго“).

Это было въ 92-мъ, голодномъ году, между Сухомъ и Очемчиромъ, на берегу рѣки Которъ, недалеко отъ моря: слышалъ веселый шумъ свѣтлыхъ водъ горной рѣчки лесо-слазить гаухой плескъ морскихъ волнъ.

Осень. Въ белой пѣнѣ Котора кружились, мелькали желтые листья лавровишны, точно маленькіе, проворные дососи; я сидѣлъ на камняхъ надъ рѣкою и думалъ, что, навѣрное, чайки и бакланы тоже принимаютъ листья за рыбу и обмалываются, вотъ почему они такъ обижено кричатъ тамъ, направо, за деревьями, гдѣ плещетъ море.

Капитанъ надо мною убранный золотомъ, у ногъ моихъ — много листьевъ. Похаживаю на отсѣченныя ладоны чинъ-то рухъ. Вѣтри граба, на томъ берегу, уже голая и впитъ въ воздухъ разорванной сѣты; въ ней, точно пойманный, пригаетъ желто-красный горный дятель-расудукъ, стучитъ чернымъ носомъ по корѣ ствола, выгоняя наскомихъ, а лодки синицы и синие пополазны, гости съ далекаго сѣвера, клевуютъ ихъ.

Сѣтва отъ меня по вершинамъ горъ тяжело нависла, угрожалъ дождемъ, дымными облака, ноть нихъ познать тѣни по зеленымъ спатамъ, гдѣ растеть мертвое дерево самшитъ, а въ душлѣ старыхъ буюковъ и липъ можно найти, пынныи медъ, который въ древности едва не погубилъ создатель Поинья Нодикаго пьяной сладостью своей, сваливъ съ ногъ нѣмныя легионы желѣзныхъ римлянъ: пчелы дѣлають его изъ цѣлаго лавра и азалія, а „проходящія“ люди выби-рають изъ дупла и ѣдятъ, намазавъ на лавашъ, тонкую лепешку изъ шведичной муки.

Этимъ я и занимался, сидя въ камняхъ подъ капитаномъ, сильно искусанный сердитою пчелою: макалъ куски хлѣба

ОБЛОЖКА ЖУРНАЛА «ЗАВѢТЫ» И СТРАНИЦА С НАЧАЛОМ
РАССКАЗА ГОРЬКОГО «РОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА»

1912, кн. 1, апрель

Личная библиотека Горького. Музей Горького

Поскольку я знаю Вас и Чернова, Вы, мне кажется, могли бы ведь договориться? А случись это, — русское общество имело бы журнал очень широкой программы и весьма энергичный мыслящий центр, который, вне сомнений, сильно мог бы послужить делу объединения читателей, что, надеюсь, одинаково желанно и для Чернова, и для Вас.

Соединение сил — соединение средств скорее поставило бы дело на ноги.

¹ Датируется как ответное на п. от 9/22 февраля 1912 г.

Письмо осталось недописанным и, вероятно, неоправленным, так как в комментариях Иванова-Разумника не упоминается.

7. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — ГОРЬКОМУ

17/30 сент(ября) 1913 г., Царское Село, Колпинская, 20

Многоуважаемый Алексей Максимович,

года полтора тому назад мы обменялись с Вами письмами, в которых сказалась не только несомненная разница во взглядах, но и, думается мне, взаимное уважение, — ибо всякое искреннее убеждение ценно, хотя может быть и ошибочным.

Я знаю, что Вы не сочувствовали «Заветам», — по крайней мере многому в них. Прежде всего — роману Ропшина¹. Теперь роман уже давно закончен, редакция выяснила свое отношение к нему (в № 4 этого года)². И в других отношениях кое-что выяснено, кое-что выясняется. «Заветы» — журнал молодых исканий, а искания ведь только и освящают жизнь. Много ошибок, много неустоленного, много молодого, — но многое еще наладится, выяснится, «образуется».

Если Ваше теперешнее отношение к «Заветам» не слишком разнится от моего (вовсе невосторженного, ибо я сам вижу много минусов), то не согласились бы Вы содействовать этому делу, которое так нуждается в поддержке? Рассказ, повесть — отданные Вами в «Заветы», были бы такой поддержкой молодому делу.

Если это осуществимо — очень был бы рад; если же и до сих пор Ваше отношение к «Заветам» совершенно отрицательное — то, конечно, просьба моя отпадает. Но и в том, и в другом случае рад буду получить от Вас несколько строк в ответ.

Желаю Вам всего лучшего.

Искренне уважающий Разумник И в а н о в

¹ Роман В. Ропшина «То, чего не было» печатался в «Заветах» с первого номера (1912, № 1—8, 1913, № 1, 2, 4). В п. к. Миролюбову от 26 мая/8 июня 1912 г. Горький заявлял: «...мне очень неприятно было видеть роман Ропшина в первой же книжке, я считаю, что, сделав это, Вы нарушили данное мне обещание». Публикация романа была, по словам Горького, одним из тех «нарушений» редакции, которые давали ему «право считать и себя свободным от обещания сотрудничать в „Заветах“» (ХХIX, 241—242; см. также предисл. к переписке Горького с Черновым; Г—Ляц, п. 49, прим. 1).

² Иванов-Разумник имеет в виду свою ст. «Было или не было. (О романе В. Ропшина)», в которой выражал двойственное отношение к затронутой в нем проблематике: главный вопрос, который ставит роман, это вопрос «было или не было то, что описывается в романе „То, чего не было“» (Заветы. 1913. № 4, Отд. II. С. 136). Собственный его ответ на этот вопрос таков: «Революцию и революционеров автор хочет рисовать правдиво, но всюду освещает их антиреволюционной философией истории, взятой у Толстого». В романе показана «пена революции», а «вечная ее правда» оказалась недоступной автору, за этой накипью (Там же. С. 147).

8. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — ГОРЬКОМУ

9/22 октября 1913 г., Царское Село, Колпинская, 20

Многоуважаемый Алексей Максимович,

на обращенную ко мне (наряду с другими писателями) просьбу «Русского слова» высказаться о Вашем «письме в редакцию» по поводу инсценировки «Бесов»¹ — я отозвался небольшой заметкой, в которой высказал свое мнение². От него я не отказываюсь; но заметка эта появившаяся вчера неожиданно в «Бирж^евых» вед^омостях» (вечерних) в числе десяти других — с предшествующим редакционным предисловием, совершенно невозможным по отношению к Вам³. Если бы я мог предполагать что-либо подобное, то, разумеется, никогда не согласился бы участвовать в этой «анкете». И несмотря на то, что письмо Ваше о Достоевском сильно возмутило меня бессилием веры Вашей в свою же веру, — я еще более возмущен поступком «Биржевых ведомостей», о чем постараюсь заявить и печатно⁴.

Примите уверения в моем искреннем уважении.

Разумник И в а н о в

Комментарий Иванова-Разумника

Выйдя из журнала «Современник», А. М. Пешков, В. С. Миролюбов и В. М. Чернов взялись за организацию нового журнала, первый № которого, открывавшийся рассказом М. Горького, и вышел в апреле 1912 г. («Заветы»), в то время как предполагавшийся в издании «Шиповника» журнал не состоялся. Однако А. М. Пешков в результате приведенной выше переписки с Ивановым-Разумником ограничил свое участие в «Заветах» помещением рассказа в первом номере — и вышел из журнала. Осенью того же 1912 года в редакцию его литературного и критического отделов вошел Иванов-Разумник, в начале 1913 года снова предложивший А. М. Пешкову участвовать в этом журнале. А. М. Пешков долго не отвечал, а тем временем —

осенью 1913 года — прошумел эпизод с отзывом А. М. Пешкова об инсценировке «Бесов» Достоевского Московским Художественным театром. Протест ряда писателей против отзыва А. М. Пешкова был напечатан в газете — с неожиданным для писавших выпадом редакции против А. М. Пешкова. Письмо Иванова-Разумника к А. М. Пешкову (...) говорит о возмущении этим редакционным выпадом; к этому возмущению присоединился ряд самых «инакомыслящих» писателей (Ф. Д. Батюшков, С. А. Венгеров, Д. С. Мережковский, А. М. Ремизов), написавших «письмо в редакцию» газеты «Речь» (прилагается вырезка и черновик этого письма, написанного Ивановым-Разумником на бланке С. А. Венгерова, редактора литературного отдела «Энциклопедического словаря»). А. М. Пешков в своем письме от 29 октября 1913 года лишь мельком касается этого эпизода, посвящая главную часть письма ответу на предыдущее письмо Иванова-Разумника (...)

Сохранилась беловая рукописная копия этого письма — автограф Иванова-Разумника (ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 209, л. 2).

¹ Имеется в виду ст. Горького «О карамазовщине», написанная в связи с постановкой Московским художественным театром спектакля «Николай Ставрогин» — инсценировки романа Ф. М. Достоевского «Бесы» (Русское слово. 1913. № 219. 22 сент./5 окт.).

² Приводим текст заметки Иванова-Разумника: «Достоевский — злой гений русской литературы. М. Горький приглашает всех нас „протестовать“ против инсценировки романов Достоевского „Художественным театром“».

Какой „злой гений“ продолжает нашептывать М. Горькому все эти ненужные и боязливые речи! Когда-то — в 1905 году — М. Горький в целом ряде статей ожесточенно нападал на Льва Толстого и Достоевского, считая их „мещанами“ русской литературы... Это печальное выступление забылось, к тому же его можно было слегка извинить, — М. Горький ходил тогда в марксистских шорах. Но вот почти десять лет с тех пор уже прошло, а он все еще стоит на прежнем месте, все по-прежнему идет на Достоевского.

И с каким оружием идет он на него! С оружием общественной цензуры, с черной проскрипционной книгой, со словом не только осуждения, но и запрета. Достоевский вреден; его не надо ставить на сцене. Еще один шаг — и М. Горький станет протестовать и против издательств, печатающих сочинения Достоевского.

Это не достойно ни М. Горького, ни русской литературы. Кто против враждебных идей хочет бороться внешней силой (начиная от штыков и кончая запретами — разница тут только в степени), тот не верит, или недостаточно верит, в силу своих идей, тот бедно и бледно верит в силу своей веры. Неужели же это судьба и М. Горького?» (Биржевые ведомости. 1913. № 13792. 8 окт. Веч. вып.).

³ Приведенный выше отзыв Иванова-Разумника редакция «Биржевых ведомостей» опубликовала в подборке «О выпад г. Горького против Достоевского. Мнения писателей» (Там же). Высказыванием писателей предшествовало следующее редакционное предисловие: «С прекрасного тихого острова, ласкаемого горячим солнцем и купающегося в синем море, г. Горький нет-нет и напоминает о себе русскому обществу. Напомнит, — увы, — не художественными произведениями прежних лет, создавшими так быстро славу писателю, а либо неудачными комедиями, обреченными на провал, либо чудачествами... чтобы не сказать резче.

Последняя выходка г. Горького — публичный протест против Достоевского — вызвала кое-где справедливое негодование и возмущение, кое-где — иронический смех.

Г. Горький плохо рассчитал силы, и его дерзкий выпад против титана русской мысли, против великой души, отразившей в себе великую душу всего великого народа, обратился против себя самого.

Вряд ли даже на галерке Московского художественного театра, во время инсценировок Достоевского, будут пускаться 2—3 места из-за протеста г. Горького.

А вот собранные нами мнения о выпад г. Горького популярных писателей различных политических мировоззрений, различных школ, но любящих родину уж во всяком случае не меньше г. Горького». Кроме Иванова-Разумника, здесь же были представлены мнения о статье Горького Куприна, Будищева, Ясинского, Потапенко, Мережковского, Сологуба, Ремизова, Венгерова, Батюшкова; все они, с той или иной мерой резкости, выражали несогласие со статьей Горького о Достоевском.

⁴ Приводим текст письма за подписями Ф. Батюшкова, С. Венгерова, Иванова-Разумника, Мережковского, Ремизова: «В вечернем выпуске „Биржевых (ых) вед(омостей)“ от 8 октября напечатаны мнения нескольких писателей о статье Максима Горького по поводу инсценировки „Бесов“ Достоевского Художественным театром. В числе этих мнений помещено и то, что сказала интервьюеру нижеподписавшиеся. Не отказываясь от высказанных нами мнений, мы тем не менее решительно не можем согласиться с неожиданным для нас редакционным предисловием, в котором статья Горького трактуется, как „дерзкий выпад“, рассчитанный на сенса-

цию. По разным причинам относясь отрицательно к нападкам Горького на Достоевского, мы, однако, не можем не признать всей искренности его порыва» (Речь. 1913. № 279. 12/25 окт.).

В архиве Иванова-Разумника сохранился черновик письма в газ. «Речь», написанный его рукой на бланке редакции «Энциклопедического словаря» (ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 103), в своем окончательном слове почти полностью совпадающий с опубликованным текстом «Письма в редакцию». В нем последняя фраза письма начиналась менее категорически: «По разным причинам несогласные с М. Горьким, мы» и т. д.

9. ГОРЬКИЙ — ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ

(Капри. 16/29 октября 1913 г.)

Уважаемый Разумник Васильевич!

Первое письмо Ваше¹, коим Вы приглашаете меня сотрудничать в «Заветы», получено было мною в Неаполе, где я лежал больной, почему и не ответил своевременно. Вчера получил второе, — спасибо, вы очень любезны, но — поверьте, я и не мог думать, что Вы, Батюшков, Венгеров солидарны с отношением ко мне уличной газетки.

Меня несколько удивило в отзыве Вашем то, что Вы отрицаете за обществом право протеста против тенденций реакционных, — или я не понимаю Вас?²

Относительно сотрудничества в «Заветах»: — не споемся мы с Вами, уж очень много разноречий у нас! Вот, хотя бы в отношении к Достоевскому: чем более изучаю его, — тем более он возмущает меня. Я не люблю Востока, мне органически противна бухарская психика и всяческое азиатское, — мистика, квиетизм, сладострастие. Это, однако, не значит, чтоб я, читая Достоевского, не маялся душевно вместе с ним страхом и болью за Русь; не люблю его мысль, мне враждебно его извращенное чувство, но — весь он, кругом взятый, конечно, величайший из великомучеников русских*. На отзывы Ваши постараюсь возразить³.

Позвольте сказать Вам, что с большим удовольствием прочитал хорошую Вашу статью о Ценском⁴. Очень внимательно и давно читаю его, — прекрасный развивается писатель, и давно уже пора было отнестись к нему так уважительно и серьезно, как отнеслись Вы первый.

Всего доброго!

А. Пешков

29.X.13

Capri

¹ См. п. 7, написанное после длительного перерыва в переписке.

² Ср. в ст. Горького «Еще о „карамазовщине“»: «...все высказавшиеся против меня отрицают за обществом его право протестовать против тенденций и явлений, враждебных росту человечности в обществе» (Русское слово. 1913. № 248. 24 окт.). Сам Горький понимал свое право так: «...а протест общества против того или иного литератора одинаково полезен как для общества, которому пора сознать свои силы и свое право борьбы против всего, что ему враждебно, так и для личности» (Там же).

³ «Возражение» Горького — ст. «Еще о „карамазовщине“».

⁴ Имеется в виду ст. Иванова-Разумника «Жизнь надо заслужить» (Заветы. 1913. № 9), написанная в связи с выходом шеститомного Собр. соч. Сергеева-Ценского. Иванов-Разумник был одним из первых ценителей и пропагандистов творчества этого писателя.

10. ГОРЬКИЙ — ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ

(Мустамяки. 20 декабря 1914 г.)

Ваше письмо, уважаемый Разумник Васильевич, я получил сегодня в субботу в 5 ч^асов^в вечера. Бывает, что письма из Петрограда получаются мною на 18-й день по отправлении.

Завтра в 4 часа я буду в Петрограде и проживу там до 10 ч^асов^в утра 23-го¹. Едва ли мне удастся за это время повидать Вас.

В Мустамяках проживу до 2-го — 3-го января. Буду очень рад видеть Вас.

Всего доброго

А. Пешков

20.XII.14

Комментарий Иванова-Разумника.

Осенью 1912 г., одновременно со вступлением в «Заветы», Иванов-Разумник стал редактором издательства «Сирин» и в 1914 году получил от А. М. Пешкова, жившего тогда в Мустамяках, письмо по поводу деяний этого издательства. Письмо это не сохранилось, так как оно было оставлено Ивановым-Разумником в архиве «Сирина», погибшем в годы революции. Иванов-Разумник ответил письмом (копия не сохранилась), в котором предлагал встретиться и поговорить на тему письма при одном из приездов А. М. Пешкова в Петербург. Ответом на это и является письмо от 20 декабря 1914 года с приглашением приехать в Мустамяки; приглашением этим Иванов-Разумник не воспользовался, но встретился с А. М. Пешковым в Петербурге в самом начале 1915 года. «Заветы» в это время были уже закрыты правительством (в июле 1914 года, при самом начале мировой войны), так что речи о них в разговоре с А. М. Пешковым не было, но много говорилось о трех сборниках «Сирина» и о главных его произведениях — «Петербург» Андрея Белого и «Розе и Кресте» А. Блока. Отношение А. М. Пешкова и к тому и к другому произведению было неблагоприятное, — по крайней мере в этом длинном разговоре начала 1915 года.

¹ Горький писал Андрееву (ок. 15 дек. 1914 г.): «Я буду в Питере 20-го числа, вероятно, и ты в это время будешь там? 21-го назначили у Винавера собрание по вопросу об организации русской лиги филосемитов (русского общества изучения жизни евреев)» (ЛН. Т. 72. С. 354). В п. к Е. П. Пешковой Горький сообщал о своей деятельности: «Ты, вероятно, скоро будешь удивлена, увидав мою подпись рядом с именами людей, очень чуждых мне: Андреева и Сологуба! Каково? Мы затеваем анкету по вопросу об антисемитизме, — а?» (Арх. Г. Т. IX. С. 165). Анкета была разослана в январе — феврале 1915 г. (ИРЛИ, ф. Батюшкова Ф., № 15727).

11. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — ГОРЬКОМУ

(Царское Село. После 9 июля 1917 г.)

Алексей Максимович!

В «Деле народа» я дважды отзывался печатно (и в отделе печати, и в статье «Тугарина») по поводу вызывающей омерзение выходки Бурцева¹, хочу высказать Вам это и лично в письме, — как в письме же выражаю это свое мнение и Бурцеву. Крепко жму Вашу руку и желаю твердости и бодрости в эти тяжелые для всех нас минуты и дни торжества многоликого мещанства и в социализме и в обществе.

Искренний привет и уважение

Ваш Разумник И в а н о в

Комментарий Иванова-Разумника.

В июле 1917 г., после восстания большевиков, началась травля их — в том числе и А. М. Пешкова. Иванов-Разумник был в это время редактором литературного отдела газеты «Дело народа», из которой и вышел в связи с этой травлей, напеча-

тав 8-го июля в газете «Земля и воля» статью об этой травле («Улица», вошла в книгу Иванова-Разумника «Год революции», 1918 г.) и написав А. М. Пешкову сочувственное письмо, ответом на которое и является письмо (...) (дата почтового штемпеля — 14 июля). Хотя письмо это и адресовано в редакцию «Дела народа», но заключительная фраза письма — «передайте мой привет товарищам Вашим» — ни в коем случае не имеет в виду товарищей Иванова-Разумника по редакции, большинство которых относилось враждебно к позиции А. М. Пешкова. Речь шла о нескольких сочувствовавших А. М. Пешкову лицам, имена которых за давностью времени не сохранились в памяти Иванова-Разумника.

Датируется по содержанию.

¹ Имеется в виду ст. В. Л. Бурцева «Или мы, или немцы и те, кто с ними» (Русская воля. 1917. № 159. 7 июля; одновременно появилась в «Петроградском листке» и «Петроградской газете»). Возможно также, что письмо было написано после второй ст. Бурцева «Не защищайте М. Горького» (Русская воля. 1917. № 161. 9 июля; напечатана также: Новое время. 1917. № 14822. 9 июля). Бурцев, обвиняя большевиков в политической продажности и измене, завершил именем Горького перечень двенадцати «агентов Вильгельма II», тех, «кто за эти месяцы работал над разрушением России»; в списке значились имена Ленина, Троцкого, Луначарского, Коллонтай и др. Иванов-Разумник выступил с гневным протестом по поводу выхода Бурцева, опубликовав ст. «Улица» (Дело народа. 1917. № 79. 8 июля, подпись: Тугарин; перепечатана в кн.: *Иванов-Разумник. Год революции: Статьи 1917 года.* СПб., 1918. С. 64—68). «Грядущий Хам уже пришел, царит на улице, призывает к погромам и насилиям над всеми инакомыслящими, — писал в ней Иванов-Разумник. — (...) Ходит он теперь по улицам, пускает в народ темные, непроверенные слухи, жадно смакует грязь клеветы и копит пока еще бессильную злобу (...) Достаточно составить самый нелепый список имен (...) где венчает все дело имя крупного и морально безупречного русского писателя, — чтобы улица жадно проглотила эту несъедобную кашу, чтобы нравственная чернь стала восторженно рукоплескать всякой пошлости, которую так обильно разливает на своих столбцах уличная печать» (*Иванов-Разумник. Год революции: Статьи 1917 г.* С. 65, 64, 67—68).

12. ГОРЬКИЙ — ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ

(Петроград. 14 июля 1917 г.)

Сердечно благодарю Вас за внимание, Разумник Васильевич!

Нет надобности говорить о том, как ценно дружеское рукопожатие в эти дни, насыщенные болезненной злобой.

Передайте мой привет товарищам Вашим.

Всего доброго!

А. Пешков

Датируется по почт. шт. Конверт с грифом Организационного комитета «Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук». Письмо направлено в редакцию газ. «Дело народа» (Галерная, 24).

13. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — ГОРЬКОМУ

(Царское Село. Октябрь, после 22-го, 1917 г.)

Узнал из газеты о Вашем, Алексей Максимович, двадцатипятилетнем юбилее¹ — шлю Вам сердечный привет и большое спасибо за все сделанное Вами. Мы во многом стоим на разных полюсах мысли, литературные взгляды и вкусы наши расходятся в противоположные стороны, но тем искреннее ценю я Ваши произведения и Вашу долголетнюю деятельность для народа и во имя народа. А за последние радостные и тяжелые полгода, когда революция пришла, а литераторы уползли с шипением и злобой в разные щели, — Ваше имя было одним из немногих, на которых отрадно было остановиться.

Желаю Вам старых сил и новой веры в будущее, для прежней неустанной и бодрой работы.

Искренний привет.

Ваш Разумник Иванов

¹ В сентябре 1917 г. исполнилось 25 лет со дня опубликования рассказа «Макар Чудра» в Тифлисе. Информация о юбилее Горького была помещена в газ.: «Известия Петроградского Совета рабочих депутатов» (№ 204, 22 окт.), «Новая жизнь» (№ 160, 22 окт.; № 162, 25 окт.), «Известия московского Совета рабочих депутатов» (№ 196, 25 окт.) и др.

14. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — ГОРЬКОМУ

7 мая 1919 года, Царское Село, Колпинская, 20

Многоуважаемый Алексей Максимович,

в субботу 10 мая в Москве состоится суд «Революционного трибунала» над моими хотя и не «партийными», но во всяком случае идейными товарищами¹: суду подлежит вся партия «левых соц(иал)-рев(олюцио-неров)»². Суд будет партийный, «большевистский».

Хотя Вы, Алексей Максимович, вероятно, и не состоите членом партии, но пользуетесь несомненно большим моральным влиянием в партийной среде. Употребите же это влияние, чтобы побудить власть имущих не судить идейных противников — партийно, не обострять и без того острые углы, не мешать единственной подлинно революционной партии.

Уверен, что голос Ваш не прозвучит в пустыне — и Вы не только облегчите участь отдельных людей (второстепенных исполнителей — Спиридонова³ давно уже бежала из тюрьмы), но, главное, — будете содействовать усилению действенных сил революции, а это Вам несомненно и близко, и дорого.

С искренним уважением

Разумник И в а н о в

¹ Формально членом эсеровской партии Иванов-Разумник не являлся, хотя его критико-публицистическая деятельность была теснейшим образом связана с эсеровскими изданиями (заведовал литературными отделами в газ. «Дело народа», «Знамя труда», журн. «Наш путь»).

² Сведения о предстоящем судебном процессе оказались ложными, хотя слухи о нем возникли не случайно. В те дни остро стоял вопрос о примирении с левыми эсерами, которые после восстания 6 июля 1918 года находились в оппозиции к правительству большевиков. 3 мая 1919 г. в газ. «Известия» (№ 93) было помещено обращение «Ко всем членам партии социал-революционеров», подписанное В. Вольским и Н. Святыцким, где излагалась платформа примирения с большевиками. Тогда же в «Известиях» был напечатан целый ряд писем рядовых членов партии эсеров, в которых затрагивалась проблема сотрудничества с большевиками. Вопрос о левых эсерах широко обсуждался в печати тех дней (см., например, ст. Ил. Вардина «С кем пойдут левые эсеры» и «Партия безумцев и провокаторов» — Правда. 1919. № 118. 3 июня; № 119. 4 июня).

³ Мария Александровна *Спиридонова* (1884—1941) — одна из ведущих деятельниц партии левых эсеров. После восстания 6 июля 1918 г. «приговорена Верховным Трибуналом к 1 году заключения», «была амнистирована после германской революции. Затем следует вторичный арест, бегство из Кремля, новый арест» (Энциклопедический словарь русского Библиографического института Гранат, изд. 7, т. 41, ч. 4, стлб. 154—156). Бежала из кремлевского санатория 2 апреля 1919 г., повторно была арестована в ноябре 1919 г.

15. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — ГОРЬКОМУ

(Петроград.) 22 декабря 1919 года

Многоуважаемый Алексей Максимович,

хотя и надеюсь увидеть Вас завтра, во вторник, но на всякий случай пишу это письмо, так как дело спешное. Оно вот в чем:

Ко дню 50-ти лет со дня смерти Герцена выйдет сборник заметок и статей, посвященных его памяти. Сборник небольшой — 4—5 листов, статьи и заметки — тоже небольшие, в 3—4 страницы; авторы — «всех групп и направлений русской общественности»¹.

Очень просил бы Вас — не отказать в своем участии в этой попытке общего отклика на дело Герцена; тема, размер, срок — в Вашей воле.

Пока имеются статьи (и обещания статей) — Блока, Гершензона, Сакулина, Венгерова, Лемке, Щеголева, Радлова и ряда других писателей; одновременно с этим пишу письмо Мережковскому; имею ряд неизданных произведений Герцена, до сих пор неизвестный (и чудесный) портрет его эпохи «Колокола»². Редактировать этот сборник предложило мне частное издательство «Кадима», которое и ведает всей техникой; его представитель, секретарь редакции, и вручит Вам это письмо.

Не сомневаясь в Вашей симпатии к предпринимаемому чествованию, очень буду благодарен за Ваш литературный вклад в общее дело, в чем бы он ни состоял.

Искренне уважающий Разумник И в а н о в

¹ Иванов-Разумник готовил сб.: А. И. Герцен. 1870 — 21 января — 1920. Пг., 1920.

² Авторский состав сборника был несколько иным: М. К. Лемке предоставил не публиковавшуюся в России ст. А. И. Герцена «Жером Кеневич». Далее следовали ст.: М. Л. Биншток «Хронологические данные о жизни А. И. Герцена», Иванов-Разумник «Скиф сороковых годов», С. Венгеров «Осердеченный ум», Д. Мережковский «Герцен и мещанство», А. Блок «Герцен и Гейне», А. Гизетти «Мировоззрение Герцена», А. З. Штейнберг «Берега и безбрежность», В. Водовозов «„Колокол“ Герцена», Н. Глебов-Путиловский «Мыслящий рабочий и Герцен», Иванов-Разумник «Герцен и социализм», М. К. Лемке «Из архивов о Герцене», Э. Радлов «Герцен как философ», Герцениана (хроника). Из лиц, перечисленных Ивановым-Разумником, в сборнике не участвовали: П. Е. Щеголев, П. Н. Сакулин, М. О. Гершензон. На с. 7 сборника помещено редакционное примечание: «Ввиду краткости срока осуществления настоящего сборника, по болезни автора и по другим причинам — не могли быть доставлены статьи Максима Горького, Л. Каменева, П. Н. Сакулина, Ю. М. Стеклова и др.»

16. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — ГОРЬКОМУ

(Петроград.) 23 мая 1921 года

Многоуважаемый Алексей Максимович,

я только что зашел к О. Д. Форш и застал ее в очень тяжелом положении: она больна, еле держится на ногах и вот уже целый месяц голодает до того, что от слабости большую часть дня лежит в постели. Пайка никакого. Пишу об этом сейчас М. П. Кристи, но не уверен, что он знает литературную деятельность О. Д. Форш и захочет ей помочь. Быть может, Вы могли бы оказать ей содействие? Помощь нужна немедленная, положение ее совершенно катастрофическое¹.

Простите за беспокойство.

С совершенным уважением

Разумник И в а н о в

Р. С. Адрес Форш — «Дом искусства», кв. 30а, комн. 6.

На письме помета рукой Горького: «Передано 26-го».

¹ См. п. О. Д. Форш Горькому (конец апр. 1921 г.) (ЛН. Т. 70. С. 584). В журнале заседаний Комиссии по улучшению быта ученых (КУБУ) сохранился протокол заседания Комиссии от 16 августа 1921 г. под председательством Горького, на котором было заслушано «ходатайство А. М. Горького о выдаче писательнице О. Д. Форш продовольственного пособия». В качестве члена комиссии на заседании присутствовал М. П. Кристи. Комиссия постановила: «Передать в Пайковую комиссию на предмет выдачи О. Д. Форш продовольственного пособия» (цит. по копии, хранящейся в АГ; подлинник: ЦГАОР Ленинграда, отд. 3, ф. 2995, св. 1, д. 6. л. 129). О. Д. Форш названа также в списке наиболее нуждающихся писателей, составленном по просьбе Горького К. И. Чуковским и отправленном в недатированном п. Чуковского к Горькому (АГ).

РЕФЕРАТ ИВАНОВА-РАЗУМНИКА «ОТНОШЕНИЕ МАКСИМА ГОРЬКОГО К СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ» (1900)

Публикуемый реферат Иванова-Разумника был одним из первых опытов начинающего литератора в области критики. Для нас он представляет интерес прежде всего как материал для изучения восприятия Горького его современниками. История создания реферата такова: поступив в Петербургский университет на физико-математический факультет, Иванов-Разумник стал с 1900 г. посещать также лекции профессора А. С. Лаппо-Данилевского на историко-филологическом факультете и предпринимать самостоятельные разборы современной литературы¹. Неудивительно, что в центре его внимания оказываются произведения Горького, приобретенные на рубеже веков шумную известность и вызвавшие самые разнообразные истолкования. 21 мая 1900 г. Иванов-Разумник писал своему другу А. Н. Римскому-Корсакову: «Подписался я на журнал „Жизнь“, где подвизается Горький. (Там, к слову сказать, печатается замечательная новая его повесть — „Мужик“) (...) С каждым новым рассказом он все выше и выше поднимается (для меня) к совершенствованию; есть у него один рассказ (не знаю, читали ли Вы его?), выше которого нет ничего в современной русской литературе и даже у самого Горького. Это — „Скуки ради“. Почти приближаются сюда „Бывшие люди“. Если Вы еще не читали этих двух вещей, то с Вами не стоит и разговаривать»². 15 сентября 1900 г. Иванов-Разумник сообщал ему же: «На рефератных вечерах у Лаппы (...) я собираюсь прочесть два реферата. Один из них — „Отношение М. Горького к современной культуре“. Этим летом я читал и перечитывал Горького; теперь я увлекаюсь им еще больше, чем прежде. Это такой сильный и мощный талант, какого давно не появлялось на нашей литературной сцене»³.

С рефератом о Горьком Иванов-Разумник выступил в университете в ноябре 1900 г., при этом Лаппо-Данилевский изменил заглавие «Отношение М. Горького к современной культуре и интеллигенции» на «Значение М. Горького в современной русской литературе»⁴. Скорее всего, именно эта работа могла стать литературным дебютом Иванова-Разумника. В письме от 7 февраля 1901 г. он жаловался Римскому-Корсакову: «Литературные дела мои идут слабо; статья до сих пор не может появиться в печати, кормят только обещаниями „в следующий месяц“. Я полагаю, что они хотят меня оттянуть до лета, „когда наступит жары“»⁵. Известно, в каком именно журнале Иванов-Разумник надеялся опубликовать свою статью. Эти хлопоты были прерваны неожиданно: в начале 1901 г. Иванов-Разумник «имел удовольствие подвергнуться обыску — полиции, понятых и т. п.»⁶, а 4 марта того же года, участвуя в студенческой демонстрации, был «избит на площади Казанского собора казацкими нагайками, арестован, посажен в тюрьму, а потом и выслан из Петербурга»⁷. Находясь в петербургской пересыльной тюрьме в марте 1901 г., Иванов-Разумник дважды читал свою работу о Горьком арестованным студентам и курсисткам. «Из нашей тюремной жизни — нового ничего, — извещал он 17 марта Римского-Корсакова. — Только разве что вчера был у нас литературный вечер, где я подвизался в чтении реферата о М. Горьком и был единственным исполнителем. Сперва я прочел в верхнем этаже, для студентов, а потом внизу у курсисток. Курсисток всех поместили в одну камеру, а меня поставили по сю сторону решетки — так был прочитан реферат, так же происходили и пре-

тия. С одной курсисткой я сцепился жестоко из-за определения понятия культуры и интеллигентности»⁸.

Работа Иванова-Разумника о Горьком несет на себе все признаки незрелости аналитического мастерства, достаточно прямолинейна, имеет в основном реферативный характер. Двадцатидвухлетнему студенту-математику явно еще недостает индивидуальности восприятия, критического мастерства. В то же время реферат несет в себе живые отголоски тех дискуссий, которые кипели вокруг Горького, помогает понять, что волновало читателей в творчестве молодого писателя. Иванов-Разумник, заинтересованно следивший за полемикой о Горьком в «большой» критике, пробует обосновать свою позицию в этих спорах. Так, он пытается опровергнуть тезис критики о враждебности Горького к интеллигенции и стремится показать, что писатель развенчивает либо псевдоинтеллигенцию, либо ту часть просвещенного сословия, которая утратила связи с живой жизнью, замкнулась в «книжной» бездеятельности, либеральной самоудовлетворенности. То, на чем заостряет внимание Иванов-Разумник при разборе «Вареньки Олесовой» или «Фомы Гордеева», ныне едва ли покажется неожиданным, но для времени, когда эти произведения стояли в центре живейших литературных дискуссий, характеристики приват-доцента Полканова и Тараса Маякина, данные Ивановым-Разумником, были актуальными и могли способствовать пониманию художественного смысла этих образов. Весьма примечательно и то, что Иванов-Разумник отказывается видеть в идеалах Горького элементы нищезанятия, хотя такое мнение господствовало в критике тех лет после известных статей Н. К. Михайловского⁹. Характерно в реферате Иванова-Разумника и пристальное внимание к повести Горького «Мужик», печатавшейся в 1900 г. в журн. «Жизнь», которая импонировала начинающему критику своей откровенной публицистичностью. Иванов-Разумник увидел в этой повести прежде всего размышления писателя о том, «что делать» русской интеллигенции и какую ей быть. Хотя критика настойчиво принижала значение повести «Мужик» за преобладание в ней «резонерского», публицистического начала над собственно художественным (мнение, в известной мере разделявшееся и самим Горьким, оценившим «Мужика» как свой творческий просчет и отказавшимся от его завершения), Иванов-Разумник именно эту публицистичность и прямолинейность более всего и ценил в повести, в чем, без сомнения, проявилась его тогдашняя народническая закваска. Несомненной ошибкой Иванова-Разумника в реферате следует признать знак равенства, который он ставит между автором и его героями, не чувствуя дистанции между ними. И если, цитируя монологи Шебеува из «Мужика», он еще имел основания видеть в них выражение мыслей самого Горького, то в других случаях этот метод вел его к заведомо неверным толкованиям — например, к выводу о пессимистическом отношении Горького к человеку вообще, сделанному на основании изречений Промтова, героя рассказа «Проходимец», или к сближению идейного кредо писателя и «просветительских» высказываний приват-доцента из «Вареньки Олесовой», состоящих из сплошных общих мест либеральной фразеологии и воспроизводимых автором с явной иронией.

Общая оценка творчества Горького в реферате была самой высокой: Иванов-Разумник предрекал молодому писателю в будущем место «великого писателя земли русской» — место Льва Толстого.

Позднее, став литературным критиком, Иванов-Разумник не раз обращался к творчеству Горького. Характерно, что в поле зрения критика оказались не только произведения, вошедшие в авторские сборники и опубликованные в ведущих журналах, но и ранние рассказы писателя из «Самарской газеты»¹⁰. В «Истории русской общественной мысли» специальная глава книги — «Чехов и Горький» — характеризует творчество двух писателей как самое значительное явление русской общественной мысли 1890-х годов. Иванов-Разумник не первым поставил рядом эти имена — еще в 1900 г. вышла в свет «Книга о Максиме Горьком и А. П. Чехове» Е. А. Соловьева (Андреевича), — но именно он впервые попытался дать оценку двух крупнейших писателей современности с учетом исторической перспективы, представить их как последнее двуединое звено в цепи вершинных достижений русской литературы. В своем исследовании Иванов-Разумник по-прежнему противопостав-

ляет подлинную интеллигенцию и «дикарей высшей культуры», развенчиваемых Горьким, но, с другой стороны, уже относится с недоверием к тем положительным типам истинных интеллигентов, которые намечает Горький в новейших произведениях и которые объясняются приобщением писателя к «марксизму русской чечанки»¹¹.

Впоследствии отношение Иванова-Разумника к Горькому будет развиваться в русле, заданном «Историей русской общественной мысли»: высокая оценка свершений Горького-художника и полемика с Горьким-публицистом. В иных случаях эти противопоставления «художника» «публицисту» трудно было бы считать необоснованными. В частности, Иванова-Разумника побудила выступить с возражениями статья Горького «Две души». В статье «Земля и железо» Иванов-Разумник опровергал тезис Горького о косности и пассивной созерцательности русского народа, о подверженности его «азиатскому», иррациональному началу — его же собственными художественными произведениями: «Детство» и «В людях» противостоят статье «Две души», ибо в них «не обвинение, а оправдание, не обвинение, а объяснение»: «Кому верить? Художнику в человеке верьте всегда больше, чем публицисту»¹².

Резкое идейное размежевание Горького с Ивановым-Разумником не мешало последнему высоко ценить Горького-художника и тогда, когда рассуждения о «конце Горького» звучали в полную силу. Построив свою статью «„Народ“ и „интеллигенция“» (1910) в форме диалога с воображаемым оппонентом, Иванов-Разумник дает отпор ходячим мнениям о творческих провалах Горького, и в частности о повести «Лето». Мнение, что в «Лете» «нарисованы несуществующие оперные мужики, которые хотят издавать газету и рассуждают о России и ее судьбах», Иванов-Разумник опровергает: «М. Горький — бытописатель и историк главным образом *народной интеллигенции*». Крестьян из «Лета», тянущихся к политике и культуре, Иванов-Разумник считал вполне достоверными и ссылался на свои собственные наблюдения: «Я же знаю, что деревенская крестьянская интеллигенция именно такая, какую описывает ее М. Горький, я знаю, что именно о судьбах России думают и говорят эти мужики и мог бы доказать вам это из подлинных, уже напечатанных крестьянских статей»¹³. Горький не в моде, заостряет свою мысль Иванов-Разумник, лишь «среди нашей интеллигентской черни», у «фешенебельных богоискателей и хулиганствующих критиков». Критик уверен в том, что «раньше или позже схлынет волна этого стадного и постыдного равнодушия читателей к большому писателю», что многие сенсационные произведения текущего дня забудутся, а «Городок Окуров» «еще долго и долго будет читаться и перечитываться»¹⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее об этом см. во вступ. ст. А. В. Лаврова к публикации переписки А. А. Блока и Иванова-Разумника в кн.: *ЛН*. Т. 92. Кн. 2. С. 366—369.

² *ИРЛИ*, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 212.

³ Там же.

⁴ Об этом Иванов-Разумник писал А. Н. Римскому-Корсакову 28 октября / 10 ноября 1900 г. (Там же). В письме он извещал, что выступление его намечено на 7/20 ноября; в примечании, сделанном на рукописи реферата, проставлена другая дата чтения в университете — 28 ноября 1900 г.

⁵ *ИРЛИ*, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 212.

⁶ П. Иванова-Разумника к А. Н. Римскому-Корсакову от 7 февраля 1901 г. (Там же).

⁷ *Иванов-Разумник*. Юбилей (очень удачное введение) // *ИРЛИ*, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 148, л. 3—4.

⁸ *ИРЛИ*, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 212.

⁹ Михайловский Н. К. О г. Максиме Горьком и его героях // Русское богатство. 1898. № 7; *Он же*. Еще раз о г. Максиме Горьком и его героях // Там же. 1898. № 10. Во второй статье Н. К. Михайловского проводится параллель между идеями «философствующих босяков» из ранних рассказов Горького и ницшеанской моралью.

¹⁰ Иванов-Разумник вкратце характеризует фельетоны Горького, печатавшиеся в «Самарской газете» под псевдонимом «Иегудил Хламида», и появившуюся там же сказку «О маленькой фее и молодом чабане» (*Иванов-Разумник*. История русской общественной мысли: Индивидуализм и мешчанство в русской литературе

и жизни XIX в. СПб., 1907. Т. 2. С. 398, 426). В рукописи сохранились краткие характеристики рассказов Горького, сделанные Ивановым-Разумником при чтении «Самарской газеты». «На соли» — «очень недурный рассказ этнографического характера, оставляющий по себе тяжелое впечатление»; «Извозчик» — «рассказ этот — на тему „Преступления и наказания“; довольно слабый рассказ с интересными диалогами извозчика». Там же — общее замечание: «М. Горький с учением Нитше мог познакомиться хотя бы из „Самарской газеты“, в которой он состоял ежедневным сотрудником и в которой в начале 1895 г. печатался „Так говорит Заратустра“» (ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 129).

¹¹ Иванов-Разумник. История русской общественной мысли. Т. II. С. 417.

¹² Он же. Земля и железо: (Литературные отклики) // Русские ведомости. 1916. № 79. 6 апр.

¹³ Он же. Литература и общественность. СПб., 1911. С. 97, 104, 105.

¹⁴ Там же. С. 104. О высокой оценке Ивановым-Разумником творчества Горького-художника см. также: Петрова М. Г. Эстетика позднего народничества // Литературно-эстетические концепции в России конца XIX — начала XX в. М., 1975. С. 162—163.

ОТНОШЕНИЕ МАКСИМА ГОРЬКОГО К СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ *

Современная русская литература может без всякой зависти смотреть на западноевропейскую литературу, сознавая за собой такие силы и таланты, которые могли бы служить украшением литературы любого народа. Наша родина, отставая в жизни политической и научной, давшая только два-три крупных имени в науке — и ни одного в общем течении философской мысли — оказалась плодородной почвой для развития целого ряда школ в области искусства. Не говорим уже о представителях русской школы живописи, не говорим о ряде мощных талантов, создавших русскую музыкальную школу, — ограничимся только областью литературы: достаточно и этого для подтверждения нашей мысли; достаточно даже назвать только одно имя современного нам «великого писателя земли русской», завоевавшего всемирную славу настолько же художественным творчеством, насколько и своим отрицательным движением против современной культуры.

Недавно, всего несколько лет тому назад, на литературной сцене появился молодой, новый писатель: я говорю о Максиме Горьком. Я далек от мысли ставить на одну доску этого молодого писателя с только что упомянутым Львом Толстым, но нельзя не сознаться, что между ними (на первый взгляд) есть вполне определенное общее — именно, отрицательное отношение к современной культуре. В остальном — не говоря пока о степени таланта — это совершенные противоположности. Горький не обладает и в малой степени той силой и глубиной психологического анализа, которая отличает творца «Анны Карениной», которой обладал в равной степени только Достоевский и которой наделен из современной группы «*dii minores*»^{2*} — разве только Короленко. Зато Горький — поэт и романтик в душе — прямо поражает гибкостью и художественностью языка, красотой и блеском образов, подходя в этом отношении только к Тургеневу; он обладает даром «ударять по сердцам с неведомой силой»¹ и в немногих словах дать много впечатления. Достаточно вспомнить только один из его рассказов — истинный *chef d'oeuvre* по драматизму и силе — «Скуки ради».

Впрочем, в задачу мою не входит разбор значения Горького для современной русской литературы; это было бы трудной и неблагодарной задачей, так как пришлось бы разбираться в целом ряде определенных мнений об этом писателе. Одни считают его прямым подражателем Глеба Успенского²; другие ведут его родословную даже от Бестужева-Марлинского, указывая на такие его рассказы, как «Старуха Изергиль», «Макар Чудра», «Хан и его сын» и т. д.³; третьи причисляют его к лику современных «крайних левых» декадентов, говоря, что он поэт настроения

* Читано 28-го ноября 1900 г. на LVII заседании историко-филологических бесед. Читано 15-го марта 1901 г. в Пересыльной тюрьме в 22-й камере, студентам. Читано 16-го марта 1901 г. в Пересыльной тюрьме в 16-й камере, курсисткам (прим. автора).

^{2*} младших богов (лат.); в переносном смысле: «второстепенных талантов».

и что декадентство его явно выразилось в его рассказе «Читатель»⁴ и т. п. Опровергать все эти мнения — задача неблагоприятная, да к тому же и сам Горький с каждым своим рассказом идет все дальше и дальше вперед; что он нам даст — предсказать невозможно. Но моя задача гораздо уже: я намерен остановиться на разборе того, уже высказанного выше положения, что Горький имеет нечто общее со Львом Толстым — отрицательное отношение к современной культуре; и попытаюсь проследить, насколько отрицательно относится М. Горький к современной интеллигенции.

Не странное ли действительно это явление: появляется молодой писатель, якобы отрицательно относящийся к культуре и к интеллигенции, и мощно подчиняет себе сразу лучшую часть той же интеллигенции? Не является ли это противоречие следствием двойственности понятий интеллигентности и культуры? Мы увидим, что именно это имеет место и что отрицательное отношение к культуре Толстого и Горького — отрицания двух совершенно разных порядков.

Конечно, положение это может быть оспариваемо; нам могут указать на различные типы в повестях М. Горького, которые по общему отзыву и критики и читающей публики являются жестокой сатирой на интеллигенцию; указывают на приват-доцента из «Вареньки Олесовой», на Тараса из «Фомы Гордеева», на доктора из неоконченного «Мужика» и т. п. Поэтому и остановимся на разборе этих трех главных типов с интересующей нас точки зрения.

«Варенька Олесова» — один из лучших — по тонкости психологического анализа, по цельности настроения, по художественной обработке — рассказов Горького. Сама Варенька — в высшей степени законченный тип, точно высеченная из сплошного куска мрамора античная статуя; в обрисовке ее вы не встретите ни одного ложного штриха, ни одной неверной частности; с первой до последней сцены (к слову сказать — так шокирующей некоторых не в меру стыдливых критиков)⁵ она обрисована живыми, сочными красками и стоит перед нашими глазами воплощением силы и красоты. Тем больше оттеняется этим личностью приват-доцента, в лице которого М. Горький, по мнению некоторых критиков, желал унижить интеллигенцию перед индивидуализмом морали не затронутого интеллигентностью человека — Вареньки; по мнению других критиков, этот приват-доцент — просто сухая педантичная деревяшка, унижением которого Горький не желал сказать что-либо обидное интеллигенции вообще.

Ни первое, ни второе мнение, думается нам, не могут считаться достаточно обоснованными.

Действительно, вспомним вкратце содержание этого рассказа.

Ипполит Сергееч Полканов, только что назначенный приват-доцентом университета, попадает летом в глухую деревню своей сестры; он намерен усиленно заниматься летом, чтобы осенью с честью выступить на лекциях, но все его планы и мечты идут прахом вследствие знакомства с Варенькой Олесовой, которая своей красотой и непосредственностью сразу же производит на доцента сильное впечатление. Вначале он любит ее только как «роскошной самкой» и презрительно, с сожалением относится к ее неразвитости; он пробует заняться ее развитием и пытается заняться эмансипацией Вареньки во время частых прогулок на лодке и в парке усадьбы. Но чем дальше идет время, тем он все более и более теряет власть над собою, сперва он не хочет остановиться — а затем уже и не может, и это достигает своего апогея в последней сцене — купания Вареньки. Он не в силах уйти от реки, он потерял власть над собою — и искупает это своим позором, когда негодующая девушка бьет его мокрой тряпкой по лицу. Этой сценой унижения и позора доцента оканчивается рассказ.

Неужели же «сатира и мораль (над интеллигентным человеком) смысл этого всего», — выражаясь словами Чацкого?⁶ — И неужели из этого рассказа можно заключить о презрительном отношении М. Горького к интеллигенции вообще, как это делает один из критиков? («Жизнь», VIII, 242) ?

Нет, здесь на Горького возведена несомненная напраслина.

«Варенька Олесова» — не сатира на интеллигенцию, но замечательный психологический этюд, ярко и рельефно обрисовывающий с замечательной правдивостью

постепенное нарастание грубого полового чувства в человеке. Человек этот взят интеллигентный — конечно, не для того, чтобы унижить в его лице высший слой нашей умственной аристократии, а просто по той причине, что на этом сухом человеке, далеко стоящем от непосредственной жизни, рельефнее всего можно было показать и попытки борьбы с чувством, и само нарастание чувства — или, вернее, чувственности — нарастание настолько же бурное, насколько и естественное. И если часть читающей публики и критики сочла эту повесть Горького насмешкой над приват-доцентом, над интеллигенцией вообще, то очевидно, что мы еще недалеко ушли от гоголевских времен и что даже теперь (слегка перефразируя выражение Гоголя) то, что написано про одного приват-доцента, — все доценты России готовы принять на свой счет⁸.

Что основная цель этого рассказа — психологическая разработка развития страсти — это Горький подчеркивает с самого начала. Его герой утомлен занятиями и длинным путешествием; его мысли — еще до знакомства с Варенькой — часто направлены на то, что может питать физиологическое чувство любви.

«Воображение Ипполита Сергеевича, поддаваясь чарам вечера, рисовало из теней силуэт одной знакомой женщины и его самого рядом с ней. Они молча шли вдоль по аллее туда, вдаль, она прижималась к нему, и он чувствовал теплоту ее тела» (М. Горький. «Рассказы»; изд. т-ва «Знание»; II, 263)⁹.

Дальше — больше; фантазия его разыгрывается все сильнее и сильнее, и несдерживаемое развитие ее достигает апогея в бессонную ночь, проводимую доцентом в доме Олесовых и заканчивающуюся финальной сценой рассказа. Да, в борьбе со своей чувственностью доцент играет позорную роль; в этом отношении он ниже и слабее Вареньки — но и только. Как к человеку науки и культуры, как к человеку интеллигенции — Горький *нигде* не относится отрицательно к своему приват-доценту, и казнит он его не как представителя интеллигенции, а как самца, потерявшего волю под влиянием полового аффекта; это красной нитью проходит через весь рассказ.

Обидевшись за интеллигента в лице героя этого рассказа, стараются для смягчения позора выставить бедного приват-доцента безнадежно пошлым, сухим и скучным (см. критики в «Жизни», «Мире божьем», «Русском богат(стве)»)¹⁰, но, конечно, старание это остается тщетным, ибо М. Горький — повторяем это еще раз — *нигде* не выставляет своего доцента такой самодовольной деревяшкой, какой стараются представить его некоторые озабоченные доброй славой интеллигенции критики. Убежденные, что в лице приват-доцента Горький унижил представителя интеллигенции и культуры, они старательно отрещиваются от всякого духовного родства с бедным доцентом — и совершенно напрасно, так как сам Горький, в сущности, относится к своему герою достаточно симпатично.

Действительно, проследите весь ход рассказа — и вы увидите, что там есть только одно действующее лицо, которому не симпатизирует автор, — это сестра приват-доцента, намеренно обрисованная так, что может внушать одну только антипатию. Ничего подобного не найдете вы по отношению к самому доценту. Горький рисует нам умного, — бесспорно, несколько сухого, — но честного и вообще хорошего человека; здесь перед Горьким — кроме основной, указанной выше, задачи рассказа — явилась второстепенная дополнительная цель: противопоставить обычному альтруистическому утилитарианизму — наивный и простой индивидуализм Вареньки. Как это ни странно, но оказывается, что в данном случае сам Горький — певец современного индивидуализма — не симпатизирует индивидуализму своей героини и, напротив — часто выражает свои мысли словами доцента. Для Горького Варенька — «...существо, упоенное прелестью расгильной жизни, полное грубой поэзии, ошеломляюще красивое, но необлагороженное умом» (II, 272)¹¹.

То, что любит сам Горький, — как видно из других его произведений, — то он хулит устами своей героини — возьмите, например, мнения Вареньки о русской литературе. Наоборот, свои мнения Горький выражает устами доцента, те же мысли, которые в других рассказах он выражает от себя (напр., рассказы «Читатель» и главным образом «Мужик»). Доцент говорит «о несправедливом распределении богатств, о бесправии большинства людей (...), о силе богатых и бессилии бедных и

об уме — руководителе жизни, подавленном вековой неправдой и тьмой предрассудков, выгодных сильному меньшинству людей (...) — Обязанность каждого честного человека, — убедительно говорил Ипполит Сергеевич, — внести в борьбу за поработенных, за их право жить — весь свой ум и все сердце (...) Герои этой борьбы одни достойны удивления и подражания... и вам, Варвара Васильевна, нужно именно сюда обратить ваше внимание, здесь искать героев, сюда отдать ваши силы...» (II, 285—286) ¹².

Так говорит этот сухой и безнадежно пошлый (по мнению критиков) человек, и сам автор относится к нему — как здесь, так и на всем протяжении рассказа — с несомненной симпатией. С такой же симпатией он, вообще говоря, относится и к самой героине — и это потому, что в разбираемом рассказе автор безусловно объективен; цель его вовсе не в том, чтобы унижить доцента как интеллигентного представителя культурной среды, а в том — повторяем это еще и еще раз, — чтобы дать психологическую разработку мотиву развития грубой, физиологической страсти; разработка эта удалась Горькому как нельзя лучше и с обычной силой проведена до последних строк рассказа.

Но довольно об этом произведении, на котором мы остановились только потому, что личность доцента нуждалась в несомненной реабилитации, после чего ясна и ошибка тех критиков, которые видели в этом типе Горького «презрительное отношение к интеллигенции» и сатиру на культурного человека.

Перейдем теперь к другому лицу — к Тарасу из «Фомы Гордеева», на которого указывают также как на пример отрицания Горьким современной культуры. Но про Тараса достаточно будет сказать всего несколько слов.

Действительно, вышеприведенное о нем мнение является сплошным недоразумением, чтобы не сказать больше. Что такое Тарас? — Сын богатого купца, он порвал сношения с отцом, уехал учиться в Москву, был замешан в политическое дело и сослан на поселение в Сибирь. В первой половине романа Тараса нет на сцене; изредка говорят о нем — и заметно, что Горький старается подготовить его появление и выставить его в самом благоприятном свете; это должны сделать и неприязненные отзывы старика Маякина о сыне (IV, 206—207) ¹³, и рассказы о нем его сестры, которая смотрит с благоговением на брата, так как «он ценою тяжелых страданий, ценою молодости своей, загубленной в ссылке, приобрел право суда над жизнью и людьми...» (IV, 301) ¹⁴. Затем, уже в конце романа, появляется и сам Тарас — и разочарование в нем Фомы — а вместе с ним и читателя — полнейшее. Перед нами солидный и степенный человек, сразу же начинающий речь о выгоде производства соды; он с презрением относится к своим «заблуждениям молодости» и твердо, с весом изрекает трафаретную мораль из Смайльса и Леббока ¹⁵ — что «счастье человека обусловлено его отношением к своему труду» — мораль, позволяющую ему застыть в тупом самодовольстве жизнью и самим собой.

«Несчастье большинства людей в том (тоном проповедника изрекает он своей сестре), что они считают себя способными на большее, чем могут... А между тем от человека требуется — немного: он должен избрать себе дело по силам и делать его как можно лучше, как можно внимательнее ... Ты почитай Смайльса — не читала? Очень дельная книга... Здоровая книга ... Высота культуры всегда стоит в прямой зависимости от любви к труду... А чем выше культура, тем глубже удовлетворены потребности людей (...) Счастье — возможно полное удовлетворение потребностей... Вот... И, как видишь, счастье человека обусловлено его отношением к своему труду...» (IV, 338—339) ¹⁶.

Все это залежалое старье буржуазной морали, действительно выкроенное из Смайльса и Леббока, может только претить всякой живой душе — и все симпатии читателя несомненно на стороне Фомы, с горечью и тоскою возражающего на tiradu Тараса:

«Это неверно, что в трудах — оправдание... Которые люди не работают совсем ничего всю жизнь, а живут они лучше трудящихся... это как? А трудящиеся — они просто несчастные... лошади! На них едут, они терпят ... и больше ничего... Но они имеют пред Богом свое оправдание... Их спросят: вы для чего жили, а? Тогда

они скажут: нам некогда было думать насчет этого... мы всю жизнь работали. А я какое оправдание имею? И все люди, которые командуют, чем они оправдаются? Для чего жили?...» (IV, 340) ¹⁷.

Тарас на все это, с сознанием собственного превосходства, отвечает только советом — читать книжки, сейчас же забывает об этом разговоре и только интересуется — в чьих руках денежные дела Фомы? Узнав, что в руках своего отца, — он совершенно успокаивается.

Таков несимпатичный облик этого бывшего политического ссыльного, теперь удовлетворившегося вываркой соды и незыблемо стоящего на почве обычной буржуазной морали, пытающейся обойти вечный вопрос «о голодных и раздетых» жалкими ссылками на то, что «счастье есть труд».

Все это так; но где же здесь презрительное отношение Горького к интеллигенции и культуре? Неужели ренегат Тарас, изменивший идее ради соды, — неужели он может считаться представителем интеллигенции? Нет, в лице Тараса не интеллигенцию позорит М. Горький, а своего вечного, исконного врага, пренебрежение к которому проходит красной нитью через все его рассказы; к нему беспощадно жестоко относится наш автор, в его улучшение и развитие он не верит — и это, конечно, русский кулак-купец. Можно не преувеличивая сказать, что сам Горький смотрит на купца глазами Аристиды Кувалды из «Бывших людей» (II, 174—176) ¹⁸. Купец Иуда Петуников — вот основной тип русского купца в изображении М. Горького, и нет в этом типе ни одной светлой черточки, ни одной симпатичной стороны. Купец жертвует десятки тысяч на общее благо (в «Мужике», Чечевичин) — автор сейчас же поясняет устами главного героя (Шебуева), что «заглотался, подавился, старый волк! Смерть чувствует и — подло трусит... га-а-дина!» ¹⁹.

Купец стремится к образованию, к знанию и свету — Горький сейчас же выставляет типы Петуникова-сына в «Бывших людях», Смолина в «Фоме Гордееве»; все это — «молоденькие паучки» (II, 196) ²⁰; еще более страшные темной массой, чем их непросвещенные отцы. Таков и Тарас Маякин. Ни знание, ни понимание передовых идей времени не могли заглушить в нем сословных вековых инстинктов — именно это указывает Горький устами старика-отца: «Вот — гляди! Вот — человек! Вот что такое. Маякин! Его кипятили в семи щелоках, из него масло жали, а он — жив! И — богат! Понял? <...> Это значит — Маякин! <...> Я в кровь верю! В родовую кровь... в ней вся сила!» (IV, 330) ²¹.

В лице Тараса М. Горький унижает не интеллигента, не современную культуру — а общий тип современного русского купца, которого ненавидит за его гнет над тысячами бедных людей, за его самодовольную буржуазную сытость, за его силу, направленную к удовлетворению эгоистических потребностей.

Осталось сказать еще несколько слов о третьем представителе той категории типов Горького, в которой якобы выражается его отрицательное отношение к интеллигенции. Это — доктор из «Мужика». Но и здесь мы имеем дело со странным недоразумением. Чтобы не расплываться в доказательствах — приведем только описание этого доктора, данное Горьким:

«Доктор был человек солидный и ужасно любил порядок. Идя по тротуару и увидав камешек на нем, он непременно ловким ударом трости отшвыривал его из-под ноги на мостовую и всегда после этого так оглядывался вокруг себя, точно приглашал всех людей брать с него пример. Все вопросы он давно уже решил, и все в жизни было для него просто и ясно. Настроение у него было спокойное, внешность внушительная, речь уверенная <...> Так как при всех своих достоинствах доктор был еще и либеральный человек, то он считал своим долгом аккуратно посещать субботы Варвары Васильевны Любимовой» («Жизнь», 1900 г. № 3, Стр. 130) ²².

И во всем дальнейшем рассказе к характеристике доктора не прибавляется ни единого штриха. Где же здесь отрицательное отношение Горького к интеллигенции? Неужели же ко всякому интеллигенту он должен относиться с благоговейным умилением, не имея права рисовать тип интеллигента тупого, самодовольного и ограниченного? Не с равным ли правом можно было бы заключить из вышеприведенной цитаты, что Горький отрицательно относится и к либерализму, так как он

ядовито замечает, что «доктор при всех своих достоинствах был еще и либеральный человек»?

Мне кажется, что мы можем теперь смело и уверенно утверждать, что ни приват-доцент из «Вареньки Олесовой», ни Тарас Маякин, ни либеральный доктор из «Мужика» не могут служить примерами отрицательного отношения Горького к интеллигенции вообще. К некоторой определенной части этой интеллигенции отрицательное отношение Горького несомненно, — но что это за часть, пока еще не выяснили нам разобранные выше типы. К доценту Горький строг только как к слабому и неуравновешенному самцу; к Тарасу он относится отрицательно как к представителю несимпатичного ему сословия общества; к либералу-доктору — просто как к самодовольному и ограниченному человеку; очевидно, что не отсюда надо исходить, говоря об отрицании Горьким интеллигенции и культуры. К какой части интеллигенции относится Горький отрицательно — мы увидим ниже; мы увидим, что не всю интеллигенцию — равно как и не всю область культуры — отрицает Горький.

Действительно, Горький часто высказывается против современной культуры — до такой степени часто, что утверждение это сделалось общим местом в суждениях об этом писателе. Но какую культуру отрицает Горький? Ответ на это дадут нам его произведения.

Ядовитую характеристику «культурного общества» дает он прежде всего в своем «Коновалове».

«Нужно родиться в культурном обществе, — говорит Горький, — для того, чтобы найти в себе терпение всю жизнь жить среди него и ни разу не пожелать уйти куда-нибудь из сферы всех этих тяжелых условностей, узаконенных обычаем маленьких ядовитых лжей, из сферы болезненных самолюбий, идейного сектантства, всяческой неискренности, — одним словом, из всей этой охлаждающей чувство и развращающей ум суеты сует» (II, 51) ²³.

Поэтому не любит он и городов, теснящих его ум и сердце.

«Совсем напрасно ты, Максим, в городах трешься, — говорит, например, Коновалов, — (...) тухлая там жизнь и тесная (...) Настроили люди городов, домов, собрались там в кучи, пакостят землю, задыхаются, теснят друг друга... Хорошая жизнь!» (II, 62, 64) ²⁴.

Интересно, между прочим, сопоставить эти слова с первыми строками «Воскресенья» Толстого; здесь и Горький и Толстой сходятся, хотя мы увидим, что отрицание культуры тем и другим совершенно различно. Но об этом после. Относясь отрицательно к «культурному обществу», Горький не верует и в его прогресс; он едко замечает, что прогресс этот «всего подтверждается ежегодным ростом тюрем, кабаков и домов терпимости» (III, 5) ²⁵. Пожалуй, наиболее полно и ярко Горький выражает свое отрицание «культуры» устами интеллигента-проходимца в рассказе того же имени. И здесь рельефнее всего сказывается, к какой области «культуры» относится отрицательно Горький: он презирает культурное общество за ту созданную им же сеть мелких предрассудков, условностей и приличий; он задыхается в буржуазной, пошлой атмосфере гладко прилизанной морали — но такое отрицание не есть отрицание культуры вообще, не есть отрицание культуры Львом Толстым. Здесь ярко обрисовывается разница между Толстым и Горьким: Горький — не толстовец, и сам старательно подчеркивает это положение в своих рассказах (см., напр., «Мой спутник»; I, 188) ²⁶. Отрицание культуры Толстым приводит его к опрошению, к сведению на нет знания и науки; отрицание культуры Горьким приводит его к морали индивидуализма — и только. Толстой отрицает содержание культуры, Горький отрицает ее форму, — вот в чем, по нашему мнению, существеннейшая разница в этом отношении между «великим писателем земли русской» и молодым талантом, к которому — будем надеяться — со временем приложится этот же титул. Горький отрицательно относится к культуре — это неоспоримо, но он отрицает ту буржуазную внешность культуры, к которой каждый из нас может относиться только отрицательно; вот почему под взглядами на культуру Горького может безусловно подписаться всякий, принадлежащий к умственной интеллигенции, — самопротиворечия здесь не будет; но оно было бы, если бы мы пожелали

сохранить завещанные нам лучшими людьми нашей умственной аристократии идеалы и в то же время согласиться со взглядами на культуру Льва Толстого. Почему это так — вполне понятно, и причина этого, повторим еще раз, именно в том, что Горький отрицает *форму* современной культуры, а Толстой присоединяет к этому отрицание *содержания* ее.

К тем же результатам мы придем, если будем рассматривать и более узкий вопрос — отношения Горького к представителям современной интеллигенции. Отношение это — отрицательное; трудно было бы не согласиться с этим. Но отрицание отрицанию рознь, и легко убедиться, что Горький не заражен повальным отрицанием представителей этого класса общества; мы увидим, что и здесь — как и по отношению к современной культуре — Горький отделяет козлиц от овец и действительно жестоко казнит первых; но заключать отсюда об его отрицательном отношении к интеллигенции вообще — более чем смело.

И, во-первых, — надо отметить, что Горький очень пессимистически относится к *человеку* вообще, независимо от степени его интеллигентности; люди, по его мнению, даже на животных имеют развращающее влияние. «Видите, какая подлая натура? — сказал Промтов, кивая головой на ревностную собаку. — И ведь это жлет она. Она понимает, что лаять не нужно, и она не зла — она труслива и желает высунуться пред хозяином. Черта чисто человеческая... и, несомненно, воспитана в ней человеком. Портят люди зверей... Скоро наступит время, когда и звери будут такими же подлыми и неискренними, как вот мы с вами...» (III, 202) ²⁷.

Еще рельефнее отрицательное отношение к *человеку* выражается в рассказе «Читатель», где Горький беседует со своей совестью. «...Человек зол, глуп, бесчестен, он вполне и всегда зависит от массы внешних условий, он бессилен и жалок один и сам по себе», — вот жестокое резюме отношения Горького к человеку (III, 249) ²⁸. С презрением относится Горький и к своему читателю. — «у нищих не просят милостыни, — гордо заявляет он, — пусть не думают, что я возвышаю или унижаю себя для того, чтоб привлечь к себе внимание людей...» (III, 246) ²⁹. Таково отношение Горького к человеку; и чтобы хоть немного рассеять пессимистическую тьму этого отношения, Горький создает яркий и блестящий образ романтического босняка, с нитшэанской моралью индивидуализма. Не было бы ничего удивительного, если бы при таком отношении к человеку вообще Горький отнесся бы вполне отрицательно и к современному интеллигенту; но на деле мы этого не видим. Мы видели, наоборот, что к приват-доценту из «Вареньки Олесовой» Горький относится довольно сочувственно.

Но у Горького действительно есть два лица, обойти которых при разборе этого вопроса — невозможно. Один из них — действительно общий тип современного интеллигента, это — Иван Иванович из рассказа «Еще о черте»; другой — неумолимый и резкий прокурор современной интеллигенции, это — Ежов из «Фомы Гордеева».

Рассказ «Еще о черте» — замечательная по силе и едкости сатира на современного дряблого интеллигента (рассказ этот настолько же замечателен, насколько слаб рассказ «О черте»); ввиду же его большого значения для выяснения разбираемого вопроса — отношения М. Горького к интеллигенции — не будет излишним несколько остановиться на этом рассказе.

Скучающий черт бродит по земле в крещенскую ночь и жалуется на недостаток души, достойной внимания. «Убийственно бездарны стали люди, до тошноты неинтересны и мелки... — жалуется черт. — Особенно теперь, когда среди них с новой силой расцветает проповедь личного самосовершенствования и борьбы со страстями...» И это уже маленький камешек в огород интеллигенции, но это только еще цветочки; далее же черт попадает в комнату некоего Ивана Ивановича Иванова; характеристику этого господина мы позволим себе привести словами самого автора: «По душевному складу своему это был человек „интеллигентный“, а профессией его было стремление к достижению духовного совершенства, которое он и внедрял в себя ежесуточно путем продолжительных бесед со знакомыми и посредством чтения душеполезных книг» (III, 290) ³⁰.

Уже по этому началу можно ожидать, что Иван Иванович окажется достаточно жалкой в нравственном смысле личностью, как и всякий человек, целью которого

является только *личное* совершенствование. И действительно, Иван Иванович оказывается дряблой, самолюбующейся личностью; Иван Иванович всегда занят мыслью только о себе, о своем нравственном поведении, он нянчится с собой, со своими чувствами, мыслями, достоинствами и пороками — но нетрудно с уверенностью заключить, что такой человек сумеет выдать себе аттестат за благонравие даже после самого гадкого поступка; такова психология самолюбующихся людей. Таков в действительности и Иван Иванович: в момент прибытия к нему черта он занят самобичеванием; за две недели святок он пошло проводил время — бывал в маскарадах и «даже, — продолжает бичевать себя Иван Иванович, — даже унизил женщину! <...> Чужая жена... как это низко с моей стороны!» Но, хорошо зная Ивана Ивановича и его психологию, мы сейчас же ожидаем от него и оправдания своих поступков, и конечно эти ожидания сейчас же сбываются. «Чужая жена <...> — продолжает рассуждать Иван Иванович. — Хотя, впрочем, она не совсем чужая мне... она жена Егора, а Егор мой старый товарищ, мой задушевный друг... да-а! Быть может, это обстоятельство несколько сглаживает мою вину...» (III, 291) ³¹.

Таков этот самодовольный, самолюбующийся Иван Иванович, который только и умеет нянчиться с самим собой — и который самоудовлетворенно заканчивает свою тираду выдачей себе аттестата за добронравие: «Хорошо еще, что я всегда сознаю свои пороки... это поднимает меня в своих глазах... это очень утешительно!» (III, 291) ³².

Все это очень характерно и обрисовывает узкую и дряблую душонку «интеллигентного» Ивана Ивановича; неудивительно, что черт с ужасом чуть не отрещивался от такой души: «Ващу душу? О нет! — Нет, пожалуйста... мне не надо... Помилуйте?! Куда мне ее?» ³³; неудивительно, что когда черт извлек из Ивана Ивановича честолюбие, злобу, трусость и нервозность — то бедный «интеллигент» утерял всякое содержание: от него остались только одни бессодержательные междометия, на лице сияла блаженная улыбка, свойственная прирожденным идиотам, и голова издавала звук пустого бочонка... ³⁴

В этом рассказе, как видим, Горький беспощадно казнит современного интеллигента, и эта казнь была бы несомненным доказательством отрицательного отношения М. Горького к интеллигенции, если бы здесь не возникали два вопроса: ко всей ли интеллигенции или только части ее так по заслугам презрительно относится М. Горький? и, во-вторых, — не дает ли он нам в своих рассказах положительный тип интеллигента в противовес Ивану Ивановичу с братией? — Отрицательный ответ на первый вопрос так же очевиден, как и положительный на второй.

Действительно, в лице Ивана Ивановича Горький казнит только вполне определенную часть интеллигентного общества, — ту часть, которая все берет от жизни и не дает ей ничего. Кому и чему нужен этот услаждающийся собственным раскаянием интеллигент, занятый только личным совершенствованием, чтением душеполезных книг да ковырянием собственной души? И, выражаясь словами Фомы Гордеева, в чем «оправдание» бесплодной жизни этого интеллигента перед судом своей собственной совести? И не есть ли этот рассказ Горького — сильный протест против исключительно *личного* совершенствования? Не есть ли этот рассказ — едкая сатира не на интеллигенцию вообще, а на ту *книжную* ³⁵ интеллигенцию, которая только теоретически относится к вопросу о *другом* человеке и об его улучшении? Да, это несомненно так, и подтверждение этому мы найдем очень часто в произведениях Горького.

Вспомним, например, горячую обличительную речь против интеллигенции Ежова (из «Фомы Гордеева»): «Я собрал бы остатки моей истерзанной души и вместе с кровью сердца плюнул бы в рожи нашей интеллигенции, черт ее поberi! Я б им сказал: букашки! вы, лучший сок моей страны! Факт вашего бытия оплачен кровью и слезами десятков поколений русских людей, о! гниды! Как вы дорого стоите своей стране! Что же вы делаете для нее? Превратили ли вы слезы прошлого в перлы? Что дали вы жизни? Что сделали?» (IV, 349—350) ³⁵.

³⁵ Первоначально было: «буржуазную».

Это не может вызвать недоразумений — взгляд Горького слишком ясен. Он спрашивает всех этих самодовольных Иван-Ивановичей: «Что же вы делаете для родной страны, вы, которые так дорого ей стоите?» — и в этом вопросе разгадка того презрения, которым заклеимен Иван Иванович. Да, Горький презирает ту часть интеллигенции, которая застыла в самодовольном личном совершенствовании и ничего не дает своему темному младшему брату; наоборот, с симпатией относится он — как мы это увидим — к тому интеллигенту, который сознает свои обязанности к той среде, которая слезами и кровью, говорит Горький, оплачивает факт существования самого интеллигента. Он отрицает также и ту quasi-интеллигенцию, которая уже сознает эти свои обязанности, но ограничивается тем, что только говорит, говорит и говорит... но факты со словами не соображает. Характерен в этом отношении небольшой рассказец «Кирилка», в котором «господа» много толкуют о голоде, о мужике — и сами же съедают последнюю краюху хлеба голодного мужика Кирилки...

Итак — вот какую часть интеллигенции отрицает Горький; эта интеллигенция — сытая, самодовольная и эгоистическая, это — интеллигенция *буржуазная*, к которой М. Горький относится настолько же отрицательно, как и к *буржуазной* культуре, что мы уже видели в предыдущем изложении.

Но Горький дает нам и положительный до некоторой степени тип интеллигента; на нем интересно остановиться потому, что в нем М. Горький выражает наиболее ясно свое отрицание *узкой* интеллигентности, в смысле, указанном в предыдущих строках.

Не следует думать, что этим типом Горький выражает свой *идеал* интеллигента; как смотрит он на своего героя — не вполне ясно из самого рассказа, который к тому же остался недоконченным, — я говорю об его «Мужике» («Жизнь», 1900 г., № III и IV). Но нельзя отрицать того, что в личности архитектора Шебуева мы найдем много положительных сторон современного интеллигента, и, пожалуй, не столько в самой этой личности, сколько в развиваемых Шебуевым положениях. На этом рассказе, особенно важном для характеристики отношения М. Горького к интеллигенции, мы позволим себе остановиться подробнее.

В рассказе этом М. Горький повторяет устами Суркова те же нападки на известную часть интеллигенции, которые мы отметили уже в рассказе «Еще о черте»; он нападает на ту часть интеллигенции, которая основной целью поставила себе самосовершенствование, при полном бесстрастии к существеннейшим запросам жизни. «Российское свободомыслие давно уже легло татарским игом на рабопенные умы русских людей... (говорит Сурков). И все, здесь присутствующие, закованы в кандалы свободомыслия, сидят в колодках разных измов и сами же оные колодки все туже стягивают. Это на языке рабов именуется саморазвитием и составляет обычное русского интеллигента занятие, чрезвычайно сладостное ему» («Жизнь», 1900, III, 141) ³⁶.

Это уже повторение сатиры на Ивана Ивановича (из «Еще о черте»), и с этими нападками мы уже знакомы. Познакомились мы также и с той частью интеллигенции, к которой Горький относится с симпатией за сознание своих обязанностей к «младшему брату». В этом рассказе мысль эта выражается рельефнее, чем где бы то ни было. На вопрос — «что такое интеллигенция?» — Шебуев отвечает: «Это цвет ржи». Ему возражают, что это не ново:

«— Всем известно, что интеллигенция — цвет народной массы... (говорит Варвара Васильевна). А вы спросите-ка его — в чем же роль интеллигенции?»

Шебуев повернулся к ней и ответил:

— А вот именно в том, чтоб цвести ныне и присно и во веки веков...

— Ну, и это неново...

— Неново, — согласен. Новое, я думаю, начнется с того времени, как вырастут зерна насущного хлеба жизни...

— А кто же его будет есть, этот хлеб? — спросил доктор.

— Мужик! — кратко и спокойно сказал Шебуев (Там же, III, 133) ³⁷.

Все это достаточно рельефно и известно нам уже и из других рассказов М. Горького; но в этом рассказе он впервые вводит новую черту, составляющую су-

позитивную положительную сторону интеллигента, и таким образом более детально решает вопрос — к какой части интеллигенции Горький может относиться положительно?

Для выяснения этой черты вспомним замечательное изложение Шебуевым своего символа веры. Шебуев на молчаливый вопрос «как веруешь» отвечает горячей и яркой тирадой. Прежде всего его устами Горький повторяет в сотый раз прежние нападки на известную часть интеллигенции: «Посмотрим теперь на себя (говорит Шебуев), на то, что мы же называли „интеллигенция“. Нас, как известно, обвиняют в пассивности, в дряблости, говорят, что мы — люди слова и мысли, а не дела, что наше влияние на жизнь ничтожно, и вообще мы — негодный материал для построения новой жизни на земле. Надо думать, что все это правда; уже по тому одному правда, что ведь это наши судят нас, это ведь самоосуждение <...> всегда правдивое. Я говорю — всегда правдивое, да! Мы все — действительно люди <...> жалкие и несчастные» (Там же, III, 144) ³⁸.

Здесь мы видим прежние упреки интеллигенции в обилии речей и отсутствии дела; тема эта повторяется у М. Горького очень часто, и жестче всего казнит он это расхождение дела и слова. Мы уже указывали в виде примера на рассказ «Кирилка»; здесь, кстати, — хотя это и отвлекает нас от существа дела — отметим рассказ «Озорник», в котором за этот же грех казнится представитель интеллигенции.

«Вы пишете разные статьи (говорит герой этого рассказа, наборщик Гвоздев, редактору газеты), человеколюбие всем советуете и прочее такое <...> Ну вот, я и читаю эти ваши статьи. Вы про нашего брата рабочего толкуете... а я все читаю... И противно мне читать, потому что все это пустяки одни. Одни слова бесстыжие, Митрий Павлыч! <...> Под носом у себя вы никаких зверств не видите, а про турецкие зверства очень хорошо рассказываете. Разве это не пустяки — статьи-то ваши? <...> Пишете, что людям плохо жить на свете — и потому вы, я вам скажу, все это пишете, что ничего больше делать не умеете. Вот и все...» (II, 238—239) ³⁹.

Итак, у представителей интеллигенции и дело расходится со словом, и самих слов оказывается много, чересчур много, в сравнении с крупницей дела. Но возвратимся к Шебуеву и к его мнению об интеллигенции. В своей дальнейшей речи он «читает отходную» все той же части интеллигенции, у которой «отсохло сердце в мудрствованиях лукавых», и отрицательно относится к «непомерно развитому интеллекту» ⁴⁰. Напрасно, говорит его устами Горький, напрасно думает наша интеллигенция, что саморазвитие, умственный прогресс и совершенствование могут считаться самодовлеющей целью современного культурного человека. Напротив, росту интеллекта должно полагать границы, если он опережает самого человека, ибо суббота для человека, а не человек для субботы, — и роль субботы играет здесь интеллект. Человеку как таковому нельзя опережать самого себя. Горький хочет гармоничного человека, в котором интеллект и инстинкт составляли бы равносильное целое. Место это настолько замечательно, что, несмотря на его длину, мы приведем его полностью:

«... — Мысль странная, — сказал доктор, снисходительно улыбаясь. — А если этот рост интеллекта создаст из человека Канта, — что вы скажете?

— Что скажу? А скажу, что Кант был очень жалкий и уродливый человек, если он не знал ничего в жизни, кроме своей философии. Но все-таки он — Кант, и пускай он жалок, пускай он только жертва нам, нашему стремлению познать тайны бытия... Пускай он всю жизнь думал и, быть может, никогда не чувствовал, что он живет. Его несчастье полезно для нас, оно — наша гордость и слава. И, разумеется, для общей пользы жизни нужны такие люди, что не мешает мне считать их уродами. Нужно быть именно Спинозой, а не человеком, чтобы наслаждаться созерцанием пауков, пожирающих друг друга, и не пожелать иного наслаждения. Таких... мудрецов я не сочту людьми: не могу! Я буду изумляться силе их мысли и даже преклонюсь пред этой силой, но односторонне развитой человек — не идеал человека. Канты и Спинозы — только огромные головы, Бетховены — только изумительно развитые уши и пальцы. А жизнь хочет гармоничного

человека, человека, в котором интеллект и инстинкт сливались бы в стройное целое (<...>) Нужен человек не только умный, но и добрый, не только все понимающий, но и все чувствующий (<...>) Человек должен быть всесторонен, — и лишь тогда он будет жизнеспособен и жизнедеятелен, то есть будет уметь не только применяться к жизни, но и изменять ее условия сообразно росту своего „Я“...» («Жизнь», 1900, III, 143) ⁴¹.

Вот идеал интеллигента М. Горького; от него он требует прежде всего *всесторонности*, такова должна быть его первая и основная черта. И всесторонность эту надо понимать, конечно, не как энциклопедичность знаний, а в смысле отзывчивости на все проявления жизни, в смысле чуткого реагирования на все окружающие впечатления; для этого человек должен не только *мыслить*, но и *жить*. Именно в неумении жить, в намеренной отчужденности от жизни упрекает Горький современного кабинетного интеллигента, между тем как жизнь, по его мнению, — это прекрасный, таинственный, интересный и радостный процесс созидания идей, накопления красоты, творчества новых форм (Там же, III, 145) ⁴². Мы не умеем ценить эту жизнь, потому что бедны мы непосредственными впечатлениями и, по картинному выражению Горького, живем в углах на содержании своего воображения. С этой точки зрения вполне законна и понятна — так плохо понятая критиками — вражда Горького к *книге*. Горький отрицает книгу постолько же, поскольку отрицает и специфически книжную интеллигенцию; он отрицает книгу как всеобщий спасительный оракул на самые сложные запросы жизни; он отрицает только книгу самую по себе, без участия в ее воздействии непосредственных впечатлений жизни. Этой мысли он верен всегда и высказывает ее часто; мы уже отметили выше, что в «Фоме Гордееве» совет «почитать книжку» дает Тарас Маякин Фоме; для Маякина, всосавшего в себя буржуазную культуру и мораль Смайльса и Леббока, книга является *всеспасительным средством*; он не может понять, что Фоме нужна не *книга*, а непосредственное *дело*, — поэтому и М. Горький, видимо, сочувствует Фоме в его ответе: «если люди помочь мне в мыслях моих не могут — книги и подавно» ⁴³. Поэтому напрасны нападки на Горького, будто он отрицательно относится к книге; наоборот, из других его произведений мы видим, что он уважает книгу (напр., III, 248) ⁴⁴, но не может признать ее заменяющей непосредственные впечатления жизни. Когда современный интеллигент сталкивается с действительной жизнью, он, по ядовитому замечанию Горького, сейчас же берется за книгу, чтобы посмотреть: «а что там по этому поводу написано?» («Жизнь», 1900, III, 145) ⁴⁵; в этом Горький видит преобладание интеллекта над инстинктом — и требует гармоничного соединения их обоих. Он требует — повторяем это еще раз — всесторонности нашего развития во всех его отношениях; он требует, чтобы истинный интеллигент избрал своим девизом старое, но вечно юное и великое изречение: *homo sum, humani nihil a me alienum puto* («я человек, и ничто человеческое не считаю себе чуждым»).

Итак, отрицает ли Горький интеллигенцию, и если да, то какую ее часть?

Мы уже видели, что в лице Ивана Ивановича он отрицает интеллигенцию *буржуазную*, с ее довольной и эгоистической моралью и с вечными фразами самозащиты на устах. Теперь мы видим, что Горький отрицает и интеллигенцию *специально книжную*, незнакомую с непосредственною жизнью, слабо и глухо отзывающуюся на разнообразные проявления жизни и чувства. Отрицает ли он интеллигенцию как *часть общества*? Отчасти да, отчасти нет. Действительно, он думает, что большая часть современной интеллигенции — и буржуазна и книжна; но, с другой стороны, на смену ей, по его словам, идет новый класс общества. Позволим себе сделать последнюю и очень интересную цитату:

«Был у нас интеллигент-дворянин (слова Шебуева из „Мужика“). Он на своих плечах внес на родину культуру Запада, создал огромные, вечные ценности и — все-таки отпел, не окупив, может быть, и половины тех затрат, которые употребила страна на то, чтобы взрастить его... На смену ему явился интеллигент-разночинец. Этот дешево стоил стране; он явился в жизнь ее как-то сразу и своей огромной силой поднял страшный груз. Он надорвался в труде и ныне тоже отцветает... Может быть, он возродится? Не знаю... не охотник я до гаданий... Вижу —

он отвечает <...> Думается мне, что дворянин и разночинец потому так скоро ... устали жить, что одиноки были. Родни в жизни у них не было, работали они для человечества и народа, а это — величины малореальные, неосознательные... На смену ему идет мужик, рабочий-интеллигент, и в то же время растет буржуа — купец-интеллигент... Посмотрим, что сделает мужик... Но первая его задача — расширять дорогу к свету для своего брата-мужика — для брата по крови, оставшегося внизу и назад... Свой брат — это уж реальность... Вот и все...» (Там же, III, 154) ⁴⁸.

Этот отрывок показывает яснее других, что если Горький и отрицает современную интеллигенцию, то только как определенное *сословие*, но никоим образом не как класс общества; а так как, употребляя слово «интеллигенция», мы всегда имеем в виду именно общественный *класс*, а не сословие, то нельзя согласиться с тем, что Горький отрицательно относится к интеллигенции вообще. Мы видели, какую часть интеллигенции отрицает он, и видели, что в случаях общеприцательного отношения к ней он имеет в виду только чисто *сословное* содержание ее.

Рассмотрим вкратце результаты, к которым мы пришли.

Мы видели, что общее мнение об отрицательном отношении М. Горького к культуре вообще — недостаточно обосновано; его презрительное отношение к интеллигенту вообще — оказывается мифом. Горький отрицает не культуру вообще, а ту буржуазно-мещанскую мораль, которая в настоящее время составляет только случайную и далеко не необходимую *форму* культуры; Горький отрицает не интеллигенцию вообще, но ее буржуазную самодовольную часть. В этом отношении Горький в высокой степени *антибуржуазный писатель*, один из первых по силе и таланту в современной литературе.

Далее, несомненно отрицательное отношение Горького не только к буржуазной интеллигенции, но и еще к двум видовым подразделениям интеллигенции вообще. Во-первых, он отрицает ту часть интеллигенции, которая, посвятив себя *личному* самосовершенствованию и саморазвитию, недостаточно отзывчива к вечному вопросу о «голодном и раздетом», выражаясь словами Писарева, а также ограничивает эту отзывчивость только пышными и звонкими речами, дело же их не сходится со словом. Во-вторых, Горький отрицательно относится к интеллигенции исключительно *книжной*, а потому и недостаточно жизненной, недостаточно всесторонней.

Все отмеченные выше взгляды М. Горького на интеллигенцию — основные взгляды его мировоззрения, тесно и логически связанные с другими его воззрениями, не затронутыми нами здесь. Так, антибуржуазное направление Горького приближает его к морали индивидуализма; но Горький — не нитшеанец, и сверхчеловек (*Über-Mensch*) Нитше не является для Горького идеалом интеллигента. Его идеал совершенно иной. От интеллигента Горький требует прежде всего участия к низшему слою общества, и — главным образом — *всесторонности*, не только в знании, но и в жизни.

Поэтому не будем повторять обычной ошибки и считать Горького отрицателем интеллигенции и культуры; он не заслуживает упрека в этом отрицании, так как оно направлено только против нездоровых и уродливых форм этих двух категорий. Вот почему молодой писатель нашел себе такой горячий прием среди той самой интеллигенции, к которой он относится якобы отрицательно; самопротиворечия здесь нет, как, например, нет противоречия в симпатичном отношении к врачу, который производит болезненную, но полезную операцию; а ведь нельзя не сознаться, что большая часть нашей интеллигенции нуждается в операции, производимой Горьким над ее наносными формами.

Нет, Горький не отрицает интеллигенцию и культуру, и яснее всего это видно при сравнении его с Львом Толстым. Мы еще раз указываем на громадное различие между этими двумя писателями по вопросу об отношении их к культуре и интеллигенции. Горький отрицает *форму* современной культуры, Толстой отрицает также и *содержание* ее; Горький отрицает интеллигенцию как *сословие*, а Толстой — также как и *класс* общества.

Октябрь 1900 г. СПб.

ПРИМЕЧАНИЯ

Текст реферата Иванова-Разумника печатается по автографу, сохранившемуся в архиве Иванова-Разумника в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (ф. 79, оп. 1, ед. хр. 95). Там же хранятся наброски и материалы к реферату (ед. хр. 94).

¹ Строки из стихотворения Пушкина «Ответ анониму» (1830):

И выстраданный стих, пронзительно-унылый,
Ударит по сердцам с неведомою силой.

² Такое мнение, в частности, высказывал А. И. Богданович (А. Б.) в своих «Критических заметках» в связи с рассказом «Кирилка»: «В „Кирилке“ г. Горький проявил новую черту таланта, сближающую его отчасти с Гл. Успенским, который так тонко и метко умеет осветить отношение к народу других классов, живущих за счет этого последнего» (Мир божий. 1899. № 4. Отд. II. С. 15—16). Параллели между Горьким и Г. Успенским проводил Андреевич (Е. А. Соловьев) в анонимной рецензии на «Очерки и рассказы» Горького (Русское богатство. 1898. № 7. Отд. II. С. 30—36) и в ст. «Очерки текущей русской литературы. Вольница» (Жизнь. 1900. № 4. С. 312—313).

³ Сходство с «Марлинским в прозе и Бенедиктовым в поэзии» усматривал в романтических рассказах Горького М. О. Меньшиков, находя в них «вычурность» и «крикливую, холодную жестикуляцию слов» (Меньшиков М. Критические заметки. Красивый цинизм // Книжки недели. 1900. № 9. С. 224).

⁴ Возможно, имеется в виду отзыв А. Басаргина, отметившего, что положительные идеалы Горького «носят какой-то зыбкий и подвижный характер», и считавшего, что Горький находится под влиянием философии Ницше. Басаргин назвал рассказ «Читатель» в числе тех произведений, где влияние Ницше особенно очевидно (Басаргин А. [Введенский А. И.] Развивается ли талант Горького // Московские ведомости. 1900. № 117. 29 апр.).

⁵ Заключительная сцена «Вареньки Олесовой» вызвала в критике обвинения в непристойности. См.: 3, 553—557.

⁶ «Сатира и мораль? смысл этого всего?» — реплика Чацкого Софье («Горе от ума», д. III, явл. I).

⁷ Указание на «Очерки текущей русской литературы» ведущего критика журн. «Жизнь» Андреевича (Е. А. Соловьева), который утверждал, что Горький разделяет воззрения босняков «по части прелестей нашего культурного существования»: «Прежде всего надо отметить, как презрительно относится он к интеллигенции. В этом презрении есть даже и частичка ненависти» (Жизнь. 1900. № 8. С. 242). Отстаивая эту мысль, Андреевич ссылается на героя «Вареньки Олесовой», Тараса Маякина из «Фомы Гордеева» и Ивана Ивановича из памфлета «Еще о черте». Общую характеристику мнений Андреевича о Горьком см.: Келдыш В. А. «Жизнь» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX в. 1890—1904: Социал-демократические и общедемократические издания. М., 1981. С. 256—260.

⁸ Видимо, имеется в виду начало «Шинели»: «В департаменте... но лучше не называть в каком департаменте. Ничего нет сердитее всякого рода департаментов, полков, канцелярий и, словом, всякого рода должностных сословий. Теперь уже всякой частный человек считает в лице своем оскорбленным все общество» и т. д. (Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Л., 1938. Т. III. С. 141).

⁹ Иванов-Разумник цитирует произведения Горького по изд.: Горький М. Рассказы. Т. I—IV. 1-е изд. СПб.: Знание, 1900; римские цифры обозначают том, арабские — страницу. Ср.: 3, 66.

Зачастую окончательно установленный Горьким текст имеет более или менее существенные отличия от той его редакции, которой располагал Иванов-Разумник в издании «Рассказов».

¹⁰ Имеются в виду характеристики героя «Вареньки Олесовой», данные Андреевичем («стоеросовый магистрант» и др. — Жизнь. 1900. № 8. С. 244), А. И. Богдановичем (А. Б.) (приват-доцент — «несчастный книжный червь», «в котором книга вытравила всякую жизнь, иссушила его, как вяленую волжскую воблю, превратив его в какую-то пародию на человека». — Мир божий. 1900. № 8. Отд. II. С. 83).

¹¹ Эта характеристика Вареньки была изъята Горьким при подготовке 4-го издания «Рассказов» (СПб., 1903). См.: 1 (Варианты). С. 233—234.

¹² См.: 3, 83. Вторая половина цитируемого текста (начиная со слов: «Обязанность каждого честного человека...») изъята впоследствии Горьким при подготовке «Вареньки Олесовой» для собрания сочинений в изд-ве «Книга». См.: 1 (Варианты). С. 238.

¹³ См.: 4, 342—343.

¹⁴ Там же. 405.

¹⁵ Самуил Смайльс (1816—1904) — английский писатель-моралист, проповедник

классового мира. Джон *Леббок* (1834—1913) — английский зоолог, археолог, философ-моралист. Подробнее о нем см.: 4, 628—629.

¹⁶ Там же. 423—424.

¹⁷ Там же. 425.

¹⁸ 3, 294—296.

¹⁹ 5, 410.

²⁰ 3, 312 («Бывшие люди»; слова Объедка о Петунникове-младшем).

²¹ 4, 418, 419.

²² 5, 365, 366.

²³ 3, 48.

²⁴ Там же. 57, 58.

²⁵ Там же. 177 (рассказ «В степи»).

²⁶ Имеется в виду автохарактеристика: «Я не толстовец». Изъята Горьким при подготовке 4-го издания «Рассказов» (СПб., 1903). См.: 1 (*Варианты*), 69.

²⁷ 4, 34 (рассказ «Проходимец»).

²⁸ Там же. 121.

²⁹ Там же. 120.

³⁰ Там же. 172.

³¹ Там же. 173 (текст памфлета «О черте» цитируется с небольшими неточностями).

³² Там же.

³³ Там же. 174.

³⁴ Там же. 177—178.

³⁵ Там же. 431—432.

³⁶ 5, 378.

³⁷ Там же. 368, 369.

³⁸ Там же. 382.

³⁹ 3, 204—205.

⁴⁰ 5, 383, 380.

⁴¹ Там же. 380—381.

⁴² Почти дословное изложение слов Шебуева (Там же. 383).

⁴³ 4, 426.

⁴⁴ Там же. 121 (рассказ «Читатель»).

⁴⁵ 5, 383 (слова Шебуева).

⁴⁶ Там же. 394.